

ЗНАК БЕЗКОНЕЧНОСТІ

Віталій Бубенин

Двое братьев — черных копателей — в поисках древнего замка обнаруживают артефакты, в существование которых невозможно поверить. Их захватывающие приключения сопровождаются необъяснимыми мистическими явлениями. Но, несмотря на это и даже вступив в противоречия с законом, братья не останавливаются и уверенно идут к своей цели.

Глава 1

— Никто не знает, когда был построен этот замок. В этой местности их вообще никогда не строили. Не для кого было, да и незачем. Места здесь глухие, топи да болота. Гиблые, в общем, места! С весны до осени от гнуса, мух и прочих насекомых жизни нет, — Леха перекинул тяжелую сумку на другое плечо, — это ж сколько нужно было сетки противомоскитной или марли?! А интересно, была у них в то время марля?

— Да в какое в то время, Леха? — Сергей присел на поваленное возле тропы дерево, снял с головы потрепанную бейсболку, отер ладонью пот с лица.

— Про какое время ты речь ведешь? Никто ж не знает, сам только что сказал. Может, была марля, а может, и не было. И вообще, на кой им эта марля нужна была? У них слуги были, они мух и отгоняли, опахалами всякими или мухобойками. Представляешь: «Сэр, на вас муха! Прибить или прогнать?»

Прогони ее, голубчик, прогони. Она мне всю грудь истоптала», — Сергей изобразил изнеженного аристократа.

— Нам эта марля до одного места, главное, чтоб чего посущественнее от них осталось. На сундук с золотом я, конечно, не надеюсь, но, может, чего куда закатилось. За столько лет могло ведь закатиться, да просто не имело права не закатиться, что-нибудь ценное.

— А почему собственно «закатиться»? — продолжил размышления брата Леха, — может «рассыпаться», «завалиться» или еще как-нибудь. Не обязательно же монеты должны быть, может перстенок какой с брилликом, или брошка, или...

— Ладно, Леха, не трави душу! — Сергей, молитвенно, приложил руку к груди, — вон уже солнце садится, скоро стемнеет, а мы твоего замка даже на горизонте не видим. Где спать будем, брат? Ты — старший, отец сказал, а значит должен обеспечить экспедицию всем необходимым и место для ночевки выбрать подходящее.

— А отец еще говорит, что дедовщину в армии никто не отменял, так что давай, салага, сам ищи, а я проконтролирую.

— Ну, ты даешь, — обиделся Сергей, — ничего, вот вернемся домой, я отцу расскажу, как ты тут командовал и меня, молодого, даже юного, — Сергею было шестнадцать, — в лесу, на болоте, посреди нечисти всякой, на съедение комарам, почти одного, бросил, пить, есть не давал и салагой называл.

— Чего это я бросил? — Продолжал издеваться Леха, — ничего я не бросил. Я ж с тобой, дите! А отцу скажешь, я тебе зуб мизинцем распатаю.

Леха был старше Сергея на шесть лет. Эти первые шесть лет своей жизни он жил как сыр в масле. Лешенька то, Лешенька се... Но потом родители решили, что ребенку одному скучно и «сообразили» ему брата. Мама хотела девочку, такую всю розовенькую, в кружевах и рюшечках, чтоб с волосиками русыми, длинными, чтоб с глазками голубыми, губками бантиком и чтоб, и чтоб... В общем со всеми их девчачьими прибабасами. А отец, офицер — только сына, чтоб больше Родине бойцов, значит, чтоб оборону крепить сынами своими и чтоб, и чтоб... В общем со всеми своими мужскими наворотами. А природа думала, думала, да и пошла навстречу мужской половине. Ей, видно, за Родину тоже обидно стало, а может — назло, она ж тоже женского рода, а они, женщины, такими противоречивыми иногда бывают.

В общем, как раз ко Дню пограничника, вернее за день до того, как бы в подарок отцу-

пограничнику, и появилось на свет это маленькое, орущее, голубоглазое, все в ямочках, существо. И чем не девочка? Ан нет, одна небольшая, но очень существенная деталька, это существо от девочки в корне отличала. И чем больше это существо становилось, тем отличие увеличивалось, пока, в конце концов, не стало очевидным. Мальчик подрос и стал таким наивным, милым хулиганчиком, как, впрочем, и абсолютное большинство его собратьев в этом возрасте.

Про Леху, естественно, стали забывать. Но он не отчаивался и непреклонно качал свои права, что иногда приводило к недоразумениям.

— Алеша, ну зачем тебе такая игрушка? — Спрашивала мама. — Ведь ты уже большой, тебе это не интересно.

— А ему купили, и я хочу, — упрямылся Алексей.

Чем больше братья подрастали, тем сильнее становилось противостояние между ними. Их девизом был: «Лучше пусть пропадет, но брату не достанется». Они долго и шумно делили, купленные на праздник родителями, сладости и фрукты, что зачастую приводило к драке, и тогда приходилось их разнимать. Но несмотря ни на что, братья друг друга любили, и жить один без другого не могли.

Прошло время, мальчики подросли. Леша заканчивал учебу в университете, а Сергей учился в выпускном классе и готовился тоже поступать в институт, чтобы в последствии стать палеонтологом.

Страсть к кладоискательству возникла у братьев давно, только тогда она была не осознанной и ничего общего с этим хобби, в те времена, не имела.

Отец несмотря, а может и вопреки тому, что был военным, любил книги, особенно по истории, археологии, философии. Глубокими знаниями он не обладал, но и «чайником» тоже не был. Он мог часами рассказывать детям о древнем Египте и Месопотамии, размышлять на библейские темы. Не сторонился он и других, так сказать, нетрадиционных знаний, читал оккультную литературу и вообще читал все, что было хоть как-то связано с историей, или просто было интересно и необычно. Мама мало что в этом понимала, и относилась к отцу с сочувствием, думая, видимо, так: «Чем бы дитя ни тешилось...» Женщины — существа приземленные, в облаках витают редко, а если и витают, то с определенной житейской целью.

Собственно, с отца все и началось. Любитель истории, он скрупулезно собирал все документы, касающиеся своего рода. Альбом с фотографиями начала прошлого века, на которых его прадед, молодой царский офицер-артиллерист, запечатлен в различных походных и боевых условиях. Старые вещи, дневники, награды, оружие, в общем, все, что можно было собрать, хранилось как семейная реликвия.

Подшивка журнала «Нива» за 1899 год, сколько там было интересного, загадочного. Впервые публикуется роман Льва Толстого «Воскресение», сводки из районов боевых действий англо-бурской войны, столетие со дня рождения Пушкина, а вот царская семья в полном составе, и все это глазами современника, сто лет назад! Мальчишки часами любили рассматривать эти вещи. Они относились к ним с таким же благоговением, как и отец. Эта пыль истории, отношение к этому отцу, видимо и стали первопричиной к искательству чего-то интересного, старого, лучше конечно древнего, таинственного, неразгаданного.

Начали они со старых, заброшенных хуторов, которые и хуторами, в полном смысле слова, назвать было нельзя. Просто среди поля или на опушке леса росла рощица, состоящая из старых яблонь, груш, черемухи, лип, под которыми иногда проглядывали из земли,

поросшие мхом валуны, служившие, когда-то фундаментом какого-нибудь строения.

Первые раскопки принесли разочарование. Кроме осколков глиняной посуды и разных ржавых железок, служивших, видимо, дверными петлями или засовами, ничего не попадалось. Но страсть их, тем не менее, становилась еще сильнее. Однажды они откопали монету, достоинством три немецких марки 1903 года, сколько же было радости! Они возвращались домой как герои, которым посчастливилось найти несметные сокровища царя Приама, как Генрих Шлиман, нашедший Трою, как Говард Картер, раскопавший гробницу Тутанхамона. И пошло, и поехало. Много всякой всячины они еще откопали. Все найденное хранилось втайне от всех, в довольно хорошо сохранившемся подвале одного из заброшенных хуторов. Забравшись туда, при свете керосиновой лампы, мальчишки с благоговением перебирали свои находки, представляя, кто, когда и как этими вещами мог пользоваться.

Но пришло время расставаться. Алексею нужно было поступать в институт. Он уехал в Минск, успешно сдал вступительные экзамены, закрутился в учебе, с новыми друзьями. Виделись братья редко, на каникулах, да и то, как-то, мельком.

Казалось все уже в прошлом. Но вот однажды, Алексей в очередной раз приехал домой на каникулы. Мужчины попарились в баньке, торжественно отужинали и готовились отойти ко сну. Поднимаясь по лестнице в свою комнату, Леха щелкнул Сергея двумя пальцами по уху, с видом заговорщика подмигнул брату. Срежка хотел было в ответ садануть старшему между глаз, но, увидев таинственный блеск в его глазах, опустил руку и одним взглядом спросил, чего ты, мол? Леха кивнул на дверь отцовского кабинета. Отец уже давно спал в своей спальне, и помешать им никак не мог. Братья неслышно прокрались в кабинет и заперлись изнутри. Уютно вспыхнула настольная лампа, на стены упали тени от развешанных по ним рогов оленей и лосей, тускло заблестели клинки, собранной отцом коллекции холодного оружия. В открытое окно уже заглядывала полная луна, в комнату врывалась ночная прохлада. На дворе громко пели цикады, было слышно, как в вольере собака скребет по земле миской, доедая свой собачий ужин.

— Леха, ты чего, по шарам захотел? — Начал было нервничать Сергей.

За то время, пока Алексей учился в институте, Сергей изучил русский стиль рукопашного боя, играючи, получил высокий дан по каратэ, кое-чего добился в айкидо и сам черт ему был не брат. Леха же играл только в баскетбол, а к единоборствам был равнодушен.

— Да погоди ты, малый, не бухти, — успокоил брата Леха, — ты лучше погляди, что у меня есть.

Из заднего кармана брюк Алеша достал, сложенный вчетверо, целлофановый слайд, развернул его на столе, и взору юношей предстала какой-то явно древний документ.

— Ну, ни фиги себе, Леха! — Изумленно воскликнул Сережа, — где ты это откопал? Это что карта? Так, я все понял, выходим на рассвете, где моя лопата, пойду в подвал за салом и бульбой... — Сергей начал хаотично носиться по комнате, натываясь на мебель и поднимая шум.

— Чего ты ломишься как лось по кукурузе? — Шикнул на него Алексей.

— Сейчас весь дом на ноги поднимешь, обезьяна. — Сергей принял выжидательную позу.

Леха торжественно поднял руку, — посвящаю тебя в эту жуткую тайну, только беря во внимание твои былые заслуги и еще потому, что я питаю к тебе некоторую симпатию, как к близкому родственнику. Хотя, памятуя о том, что когда-то, в детстве, ты спер из моего

новогоднего подарка два апельсина, а потом оправдывался тем, что Дед-мороз к тебе больше благосклонен, я мог бы тебя и не посвящать.

Сергей, сжав кулаки и несколько наклонив вперед голову, двинулся на брата, с явно нехорошими намерениями.

— Леха, я тебя пока по-хорошему предупреждаю, кончай выпендриваться или сейчас будет море крови.

— Да ладно, — наигранно оправдывался Леха, — что я такого сказал-то? Кто старое помянет, тому глаз вон.

— Так я тебе его щас и выставлю! — Прошипел Сергей, подходя вплотную.

Леха сделал ловкий баскетбольный финт и, оказавшись у Сергея за спиной, обхватил его руками, сжал и прошептал на ухо, подражая представителям известных сексуальных меньшинств: — сичас тибе будит хара-ашо, пра-ативный!

Неизвестно чем бы это закончилось, если бы в этот момент в холле не зазвонил телефон. Отец, шаркающей, спросонья походкой, прошел мимо кабинета к телефону. Он снял трубку, послышался его недовольный голос: «Да. Кого? Милая, который час? Время детское? Так и звоните тогда в детский сад, а у нас все взрослые мужики спят давно. И Алеша ваш тоже спит. Звоните утром, — и, подумав, добавил, — примерно в обед». Потом он положил трубку и пошел назад в спальню, ворча по дороге: «приехал сынок на каникулы, теперь от его поклонниц ни днем, ни ночью покоя не будет. Отключу телефон к чертовой матери, и подумав, добавил — потом». Бормотание отца затихло за закрывшейся дверью спальни и через мгновение оттуда уже доносился его богатырский храп. Но этим дело не кончилось. Через некоторое время послышалось слабое посвистывание и причмокивание — это мама таким способом пыталась уменьшить звук отцовского храпа, но, видимо в конец отчаявшись, ткнула его в бок локтем, отчего тот крикнул, ругнулся, перевернулся на бок и, наконец, все стихло.

— За противного ответишь! — освобождаясь от захвата, и беря противника на болевой прием, прошипел Сергей.

— Ладно, ладно, — стуча свободной рукой по груди, как по борцовскому коврику, сдался Алексей, — все, теперь без шуток. Эту карту я раздобыл, когда осенью ездил на картошку. Там, в деревне, музей был, типа краеведческий. Ну, музей так себе, чепуха всякая: ведра, коромысла, прялки и прочий секонд хенд. Но были там две интересные книженции. Одна, видно, религиозного содержания, я ее полистал и назад положил. А вот другая, оказалась более интересной, только там вообще не понятно на каком она языке написана, да и картинок нет никаких. Многих страниц не хватает, а те, что есть — затерты до безобразия, ничего не разглядишь. Но вижу, что книга очень старая, даже, похоже, древняя. Смотрит за этим музеем учитель истории из местной школы. Я у него спросил о книге, а он мне сказал, что ни он и никто другой не знает, что это за «оно», и откуда взялось. Только книга эта очень старая. Когда собирали экспонаты для музея, то со всей округи приносили люди всякую всячину, кто в сумках, кто в мешках, кто в чемоданах. В одном из таких мешков она и лежала, а кто принес — неизвестно. К истории края она, вроде, отношения не имела, но выбрасывать не стали. Был по началу в музее и сторож. Он эту книгу под самокрутки приспособил. Страницы вырывал, и сигарки из них крутил. А потом он, ни с того ни с сего вдруг занемог и, в скорости, помер. Книгу потом положили как экспонат, да по большей части, в память о том деде. Хороший, говорят, дед был.

Я эту книженцию листал, крутил и так, и эдак — ничего, конечно, не прочитал, только

смотрю, а обложка у нее — одна толще, другая тоньше. Я ту, что потолще, аккуратноненько ножичком, вдоль и подрезал. Смотрю, а там бумага какая-то. Я бумагу ту в карман сунул, а книгу на место положил. Потом рассмотрел повнимательнее эту бумагу, вроде карта какая-то или план, или схема, ну, в общем, что-то типа этого. Разобрать что на нем, и для чего он, я не смог, не понятно. И тут меня одна интересная мысль посетила. Пришла в голову, чтобы, как обычно, умереть, но выжила. Стал я местных старожилов, аккуратноненько так, расспрашивать о старом житье-бытье. Много всякого наслушался, но ценного ничего не узнал. А потом один дед, древний как мамонт, лет ему, наверное, сто, меня по полной программе загрузил информацией. И вот что он мне поведал. В какие-то стародавние времена был в той округе замок, только где он был, никто не знает, говорят только, что где-то не далеко, на болоте. И что там какая-то сила несметная затаилась. Да еще что-то про нечистого, с этой историей связанного, и прочая некультурная и неграмотная ерунда. Ну, я про все эти предрассудки сразу же позабыл, а вот про замок — нет. Я предполагаю, что эти книга и схема к этому замку имеют непосредственное отношение. К сожалению, точнее узнать больше ничего не удалось. Вот такая история, брат.

Молодые люди склонились над столом.

— А почему ты думаешь, что это план замка, и что это вообще план? — усомнился Сергей. — Тут толком не разобрать ничего. Линии какие-то, может это лабиринт? А тут похоже текст, но на каком языке? Руны что ли?

— В центре листа изображен ромб, поделенный пополам, или треугольник в зеркальном отображении, а на самой разделительной линии что-то тоже изображено, только этот знак не похож ни на какой другой, что он означает, интересно? — Леха задумчиво водил пальцем по изображению.

— Вот смотри, ромб изображен, поверх другого изображения, которое, состоя из переплетающихся вытянутых восьмерок, образует круг и ромб расположен в центре этого круга. План это, точно тебе говорю.

— Если это план, — не унимался Сергей, — то план чего? Должны какие-то подсказки быть, описание, привязка. А тут я ничего похожего не наблюдаю. Мне кажется, что это какой-то чертеж, схема, или... — его вдруг осенила догадка, — или это вообще к чертежам не относится, это может быть что-то теологическое или даже каббалистическое, оккультное, астрологическое, ну, и так далее.

— С этим можно согласиться, — сказал Алеша, — но все равно, откуда-то это взялось. И зачем нужно было кому-то эту бумагу так прятать? Опять же, сторож от тех сигарок помер. Ох, не проста это, брат, ох, не проста. Я уверен, что за всем этим кроется какая-то тайна, и я эту тайну попытаюсь разгадать. Ты со мной, или как?

— Ты, Леха, ерунды американской в своем Минске насмотрелся, вот тебе и мерещится всякое непотребное. Неспроста-а-а... — саркастически передразнил его Сергей. — Но мы с тобой старые копатели, куда ты, туда и я. Раз говоришь замок искать, значит, будем искать. Значит, тогда я пошел за салом и за лопатами?

— Э-э, тарапицца ни нада, — с кавказским акцентом возразил брату Леха, — надо еще предкам лапши на уши набросать, чтоб тебя со мной отпустили, да что там тебя, что бы меня отпустили. Это ж я, считай, еще толком приехать не успел, а ты уже хочешь, чтобы нас так просто, в щечку чмокнув, благословили. Да не просто благословили, а так, чтобы это благословение было подкреплено материально, вкуриваешь, о чем я?

— Вкуриваю, — задумчиво ответил Сергей.

— Ну, курилка, а можешь ты мне сейчас назвать хотя бы одну, мало-мальски вескую причину, по которой нам товарищ полковник командировку выпишет?

— Нет, сейчас не могу, но мы ведь придумаем что-нибудь, правда? — Сергей с надеждой посмотрел на брата.

— Ясен перец, — в голосе Лехи звучала твердая уверенность, — только завтра, а сегодня чего-то спать очень хочется.

Сергею хотелось еще поболтать, его уже переполняли различные идеи, фантастические планы, но старший брат наотрез отказался что-либо обсуждать. Пришлось идти спать. Потушив свет в кабинете, юноши прошмыгнули в свою спальню, разделись и не успели их буйные головы коснуться подушек, как крепкий молодой сон сомкнул уже усталые их веки до утра, а вернее до обеда, как отец и предполагал.

Глава 2

Переполненная субстанция больше не могла сдерживать в себе накопившуюся энергию. Простой выброс был невозможен. Необходимо было преобразование. Она была бессознательной и подчинялась только Закону, Закону бессознательного, Хаосу, который существовал, благодаря стечению случайностей и не было ни одной разумной сущности, которая могла бы, проследив течение событий, вывести хоть какую-то закономерность. Итак, преобразование! То, что вечно было ничем, становилось чем-то, но чем, а главное — зачем? Не было ответа. Не было никого, кто мог бы спросить, не было никого, кто мог бы ответить. Так сложилось. Таков Закон. Закон, который не был придуман, он просто был всегда. Преобразование, а иначе — творение. Происходило то, что, возможно, уже происходило бесконечное количество раз, но кто считал? А может это впервые? Конечно впервые! Ничто не повторяется и ничто, однажды возникнув, не существует вечно. Приходит из ниоткуда, воплощением ничего и уходит в никуда, становясь ничем. Но что же происходит между приходом и уходом?

Его первым ощущением был холод. Глаза были еще закрыты, но он чувствовал, он уже чувствовал, не понимая, что это значит, не зная, как это назвать, но ему было интересно. Он не знал кто он, не понимал откуда он и что ему вообще нужно делать. Он лежал, раскинув руки, в высокой траве, с закрытыми глазами и прислушивался к себе. Это было очень интересно — чувствовать.

Ною было холодно. Он не знал, что это — холод, но ему было неприятно. Он открыл глаза, — темно. В черном небе молчаливо сверкали звезды. И это тоже было интересно. Ной не знал, откуда, но он точно знал, что это звезды. Он знал все, он все умел. Страх не было, было любопытство, и еще было холодно. Но самое страшное заключалось в том, что он не помнил, откуда он это знает. Помнить, почему-то, ему дано не было. Трава покалывала, щекотала тело, и это ему не нравилось. Он сел, понимая, что надо встать и зная, как это делается, тем не менее, делать это впервые, было немного страшно. Он встал на ноги, пошатнулся, но не упал. Он втянул всей грудью напоенный запахами воздух, — это было хорошо. Он пошевелил губами, сглотнул. Появилось желание, — хотелось есть. Он знал, как его утолить, но было темно. Он подумал, что нужно дождаться рассвета. Откуда он знал, что рассвет настанет!? Странно, но он знал. И тогда будет все в порядке. Очень холодно, хотелось согреться. Он сделал шаг, потом другой, трава под ногами зашелестела. Он слышал, и это тоже было интересно. Звезды над головой стали почему-то исчезать одна за другой. Казалось, стало еще темнее, темнота стала плотной, осязаемой. Ной смотрел в темноту с тревогой ожидая чего-то. Вдруг что-то сверкнуло, он зажмурился ослепленный, а следом раздался ужасный грохот. Земля под ногами содрогнулась. Ему стало страшно. Откуда-то сверху упали крупные капли воды. Он вздрогнул, это было неприятно. Затем с неба хлынули потоки ливня, это было ужасно. Молния сверкала еще и еще, гром гремел почти не переставая. Он упал на землю, сжался в комок и закрыл глаза. «Зачем!?» — возник первый вопрос. На него не было ответа. Он не знал, зачем. Видимо, так было надо, так случилось. Он лежал в траве замерзший, мокрый и ждал, что кончится дождь, и что настанет утро. Дождь кончился, утро настало, небо очистилось от туч. Звезды, одна за другой, погасли. Огромный красный шар поднимался над горизонтом все выше и выше.

Он встал. Бездонное голубое небо над головой, изумрудная трава под ногами,

простиравшаяся во все стороны до горизонта, ласковый свежий ветер, теплые лучи солнца — это было потрясающе! Ему показалось, что он понял зачем? Стало тепло, даже жарко. Он расправил плечи, набрал полные легкие воздуха и закричал. Он впервые слышал свой голос, он дышал, он жил! Вот зачем! Теперь этот вопрос был уже не нужен. Он знал!

Он сделал шаг, другой, третий, быстрее, еще быстрее и побежал. Он несся над землей, едва касаясь ее ногами. Сердце бешено колотилось в груди, дышать стало тяжелее, но он бежал. Ной не знал, куда он бежит и зачем, просто хотелось бежать, дышать, чувствовать, хотелось познавать. Он понял, что знает не все, он не знал, что значит жить.

Бежал он долго. Солнце клонилось к закату, а он все бежал и бежал. Он бежал к солнцу, подсознательно понимая, что никогда до него не добежит, но шальная мысль сверлила мозг: «А вдруг?» Пот уже струился по его лицу, спине, груди, а он все бежал. Наконец совсем выбившись из сил, он, уже готовый упасть от усталости, вдруг увидел впереди нечто непонятное. Что-то, разрезая равнину, широкой серебристой полосой, величественно изгибаясь, переливалось в солнечных лучах, искрилось и манило к себе. Ной остановился, оцепенев одновременно и от неожиданности, и от поражающей своим величием красоты. Собрал остатки сил, он снова побежал. Бежать пришлось еще довольно долго, хотя ему показалось, что, то, что он увидел, было рядом. Он твердо решил увидеть это, и не чувствовал усталости. Опускались вечерние сумерки, солнце закатилось за горизонт, окрасив небо фантастическими красками заката. Ной стоял потрясенный, очарованный, заморожено глядя на простиравшуюся перед ним, чуть не до самого горизонта, реку. От воды веяло прохладой, она манила его. Он, не устояв перед искушением, вошел в воду по колена, затем встал на четвереньки, припал губами к воде и начал жадно пить. Процесс утоления жажды ему очень понравился. Он пытался пить еще, но уже не хотелось. Тогда он перевернулся на спину и, блаженно раскинув руки, окунулся в теплую и, казалось, ласковую воду. Он окунулся с головой. Он хотел опять набрать полные легкие воздуха и, как раньше, закричать от радости и удовольствия. Он попытался сделать это... Вода ворвалась в легкие, но это было совсем не то, чего ожидал Ной. Он понял, что сделал что-то не то. Он резко сел, пытаясь выдохнуть, но вместо этого его грудь разорвал кашель. Он едва не задохнулся и чуть живой выполз на берег, отдышался. Ему почему-то стало смешно. Он лежал на берегу весь мокрый, в песке и тине, и смеялся, ему опять было хорошо. Вдруг он увидел, как что-то огромное поднимается из воды. Он не знал, что это, но ему почему-то стало страшно. Это что-то двигалось прямо на него, беззвучно и не очень быстро, но от этого становилось еще страшней и, наконец, ужас, холодный и липкий, на мгновение парализовал его, но уже в следующее мгновение он вскочил на ноги, и без оглядки бросился бежать, а за спиной с жутким щелчком сомкнулись челюсти огромной рептилии. Бежал он так быстро, как только мог. Ной не оглядывался, он просто бежал, не видя, что за ним уже никто не гонится, он знал, что надо просто бежать. Окончательно выбившись из сил, он упал в траву и заплакал. Это было странно. Из глаз текла вода, тело содрогалось от рыданий, а в мозгу вновь возник этот странный вопрос, а вернее чувство, которое могло бы вполне быть вопросом: «Зачем?» Ответа не было.

Стало совсем темно. Ной перестал плакать. Он лежал и думал. Наконец он уснул.

Шума было конечно много, но, в конце концов, сопротивление родителей было сломлено убедительными доводами братьев. Лагерь для обучения английскому языку, на берегу Минского моря, с настоящими англичанами, месяц ни слова по-русски и так далее, и тому подобное, и всего-то за двести пятьдесят условных единиц. Скрепя сердце, родители дали денег и через два дня, ранним утром, юноши сели в автобус, следовавший прямехонько в столицу. Автовокзал «Центральный» встретил их полуденным зноем, суетой и целым букетом запахов, присущих большинству мест такого рода. Первым делом ребята купили билеты на автобус, затем сходили в столовую, что напротив, и плотно подкрепились. До отправления оставалось еще два часа. Они коротали время с «Колой» и чипсами, мечтая о том, как будут производить свои захватывающие поиски. Экипированы они были, если не по последнему слову, то по предпоследнему уж точно, даже запас продуктов имелся на трое суток. Когда-то в юности отец занимался альпинизмом, был на всю жизнь влюблен в горы и в память о том времени, благоговейно хранил дома моток крепкой альпинистской веревки, ледоруб, поясную и грудную обвязки — так называемую «беседку», рюкзак, палатку и еще много всякой всячины. Никто ими давно уже не пользовался, поэтому все снаряжение было вполне пригодно к применению. Пользоваться ребята этим научились еще когда ходили в школьные походы.

Алексей выпросил моток веревки, рюкзак, палатку, «беседку», говоря, что лагерь скаутский и надо взять с собой побольше всякого снаряжения, чтобы не ударить в грязь лицом перед иностранцами. А еще оказалось, что с собой надо иметь фонарь с двойным комплектом батареек, компас, нож, топорик, котелок, кружки, ложки, спальные мешки, соль и спички.

— Ну, вы словно на Эверест собираетесь — с подозрением в голосе сказал отец.

— Там кроме моря и иностранцев больше ничего нет, что ли?

— Пап, ну я же говорю, лагерь скаутский, все с собой брать надо, — аргументировал Алексей.

— А деньги тогда за что платить?

— За обучение.

— Ну, ничего себе, — присвистнул отец, — да я за такие деньги, не выходя из дома, за неделю, без всяких англичан, китайский язык выучу.

— Так китайский язык и мы бы без англичан выучили, тем более под твоим чутким руководством, — съерничал Леха.

— Не груби отцу! За такие слова можно и в бубен получить. Этим коммерсантам лишь бы деньги драть. Ну, смотрите мне, скауты, если по возвращении домой это юное дарование не будет лопотать по-английски как природный немец, то, по древнему русскому обычаю, денежки, без сна и отдыха, на огороде отрабатывать будете, до самого конца каникул. Ты меня понял? — обратился отец к Сергею.

— Понял, понял! — весело отвечал тот.

— А ты понял? — повернулся он к Алеше.

Тот уверенно кивнул.

— Ты, Алексей, смотри там за ним, и вообще, назначаю тебя старшим в группе, за все головой отвечаешь. Вопросы есть?

— Вопросов нет, приказ ясен, есть научить природного немца английскому языку с китайским акцентом, товарищ полковник! — Четко, по-военному отрапортовал Леха.

— Ладно, ладно, юморист ты наш доморощенный. Посмотрим, как ты запоешь, когда вернетесь.

Мама прослезилась, нежно обнимая сыновей. Шутка ли, у младшего последние школьные каникулы, а его несет неизвестно куда. Может хоть при поступлении в институт это поможет.

До райцентра — на автобусе, до деревни — на попутках, в общем, к концу дня братья оказались в совершенно безлюдной, лесисто-болотистой местности, двигаясь в строгом соответствии с имеющейся картой и компасом конечно. Хотя компас был не очень-то нужен. Дорога на местности была одна, на карте она тоже была одна, так что, чтобы заблудиться здесь, нужно было очень постараться.

— т

— Так где заночуем, братуха? — Сергей поднялся с поваленного дерева.

— Где-то через километр, впереди за лесом, должен быть хутор. Видишь, на карте сараи обозначены, туда и пойдем.

— Там и колодец должен быть, а то пить охота, а вода кончилась, — тряся пустой фляжкой, посетовал Сергей.

— Должен быть колодец. Видишь, след от телеги, значит, живет там кто-то.

Они пошли вперед по дороге, вернее она, может быть, когда-то и была дорогой, да полностью заросла травой, и лишь колея напоминала о том, что когда-то ее использовали в этом качестве. Через десять минут ходьбы лес кончился, и сразу за ним показался хутор. Четыре небольших, почерневших от времени деревянных дома расположились по обе стороны дороги, которая, петляя, уходила куда-то дальше, где на горизонте виднелась синяя полоса леса. Дома утопали в зелени садов. Один из домов явно был нежилым. Окна заколочены досками, забор почти весь повалился. В остальных домах, видно, жили. С каждой стороны дороги стояло по колодцу. Один из них был непомерно большой. Над землей возвышалась массивная каменная кладка. Камни казались огромными и было трудно понять, кто и зачем построил такое сооружение. Диаметром около трех метров, он не имел навеса, как все нормальные колодцы. На деревянный, весь в трещинах, вал намотана неимоверно длинная цепь. Тут же висело и ведро. Оно тоже было странным, каким-то не стандартным, не похожим на те ведра, которые выпускает современная промышленность. Колодец больше походил на плод фантазии какого-то местного умельца, который таким способом решил оставить о себе память. Другой колодец был нормальным деревенским колодцем, без всяких странностей. В отличие от своего собрата он имел нормальный навес, вернее маленькую крышу с дверкой. Дверка была распахнута, в темном проеме виднелось обычное ведро, висевшее сбоку на гвозде.

Ребят почему-то потянуло к старому колодцу. Может это от любви к старине, ко всему настоящему, как говорил отец. А может, просто из любопытства. Они подошли ближе.

— Леха, ты посмотри, сколько цепи тут намотано. Да здесь глубина метров двести будет, а может и все триста, — удивленно сказал Сергей.

— Да откуда двести-то? — недовольно пробормотал Леха, — места здесь болотистые, вода должна близко к поверхности подходить. Видишь, колодец явно старый, даже старинный, древний. В те времена все по-хозяйски делали, с запасом, на века. Оборвется

цепь — и новой не надо, отматывай себе, сколько хочешь.

— И ведро какое-то странное, — задумчиво бормотал Сергей, подходя вплотную.

— Да что у тебя все сегодня странное!? Сам ты странный. Не нравится, так чеши к другому колодцу, а я из этого, настоящего, хочу водицы испить.

С этими словами Леха подошел к колодцу и заглянул в него. Несмотря на огромный диаметр, воды внизу видно не было. Стены колодца, выложенные огромными, поросшими мхом каменными плитами, уходили куда-то далеко вниз, а дальше была темнота. Алексей отшатнулся от пахнувшего ему в лицо лютого холода.

— Кока-кола будет со льдом! — весело подзадорил он брата. Сняв с ржавого крюка ведро и опустив его в колодец, Леша начал разматывать цепь. Крутил он долго, даже вспотел, но, к своему удивлению, не почувствовал, как это обычно бывает, что ведро достигло воды. Юноша отпустил рукоятку вала, позволив цепи разматываться самостоятельно. Под тяжестью ведра и размотанной цепи, вал начал вращаться. Сначала он вращался медленно, потом быстрее, еще быстрее и наконец, скорость вращения стала пугающей. В какой-то момент стало казаться, что цепь разматается вся, а ведро так и не упадет в воду, и тогда оно просто оборвется. Они не слышали всплеска, но почувствовали, что ведро, все-таки, достигло желанной цели. Цепь размоталась почти вся. Вал стал вращаться медленнее, а потом и вовсе остановился. Алексей с ошарашенным видом взялся за рукоятку.

— Леха, да брось ты это! — взмолился Сергей, — ты ж до утра это ведро вытаскивать будешь. Пить же охота. Давай из того колодца воды наберем, напьемся всласть, а потом крути ты эту ручку хоть до морковкиного заговения. А, Леха, братец мой упертый, ну, давай, ну, пожалуйста.

В глазах Лехи светилась твердая решимость, он был непоколебим. С видом человека, решившегося на подвиг, он начал крутить рукоятку.

— Так, ну все, приплыли, — Сергей был в отчаянии, — вся жизнь состоит из парадоксов. Это ж надо, умереть от жажды между двух колодцев!

— Ты, чем базар разводить, лучше помог бы, — кряхтя и обливаясь потом посоветовал Леха. — И потом, тебя ж никто не держит, иди к тому колодцу и пей, сколько влезет.

— Может и тебе принести? — осенило Сергея.

— Ты не дерзи, я ведь из принципа кручу, а не потому, что я чукча. Да и вода с такой глубины должна быть предельно вкусной и беспредельно холодной. Мне даже интересно.

— Ладно брат, я из солидарности с тобой, пить из другого колодца не буду, — Сергей тоже пристроился крутить рукоятку. Дело пошло быстрее, но крутить пришлось еще очень долго. Наконец совсем измотанные, они увидели ведро до краев, наполненное водой. Победный клич разнесся по всей округе. Вдвоем они вытащили ведро и поставили на край колодца.

— Ну, кто первый? — вытирая мокрое от пота лицо, поинтересовался Леха.

— Давай уж ты, страдалец, — уступил ему Сергей.

Взяв ведро двумя руками, как кубок «УЕФА», Алексей наклонился и жадно припал к воде, опустив туда лицо. Он сделал жадный глоток и тут же отпрянул, вытаращив глаза, и схватившись одной рукой за горло, а другой прикрыв рот. Сергей удивленно уставился на брата. Алексей долго не мог вымолвить ни слова, жестокий спазм сковал горло. Алексей сел, прислонясь спиной к колодцу. Наконец, способность разговаривать вернулась к нему.

— Ну, елки зеленые, и холодная же зараза! — с трудом мямлил он, — как на северном

полюсе зимой. Ты попробуй, брат. Такое ощущение, как будто в рот жидкого азота налили. Абсолютный ноль!

— Я же говорил, давай из того колодца напьемся, а ты все из настоящего, из настоящего, — передразнил брата Сергей, — зубы хоть не полопались?

— Ой, не знаю. Мне кажется, что я белый медведь в тундре, и меня охотники обрили. И замерз почти сразу, как цуцик, — Леха поежился.

Солнце уже закатилось за верхушки деревьев, но было еще довольно светло. Набрав воды из другого колодца, Сергей вдоволь напился. Алексей пить отказался.

— А чтой-то вы, хлопцы, на ночь глядя туто-ка робите? — послышался за их спинами старушечий голос.

Братья, как по команде, обернулись. Перед ними стояла сгорбленная старушка. Лицо ее было все испещрено глубокими морщинами, хотя кожа была светлой и, как им показалось, ухоженной. Бабушка была одета в изрядно поношенные, но абсолютно чистые вещи. На голове был повязан косынкой белый платок, из-под которого выбивалась прядь седых волос. Ее глаза светились добротой и сочувствием. Весь ее вид вызывал расположение, действовал успокаивающе. Юноши весело поздоровались и сказали ей, что они туристы, немного заблудились, и ищут место для ночлега.

— Турысты... — с недоумением пролепетала старушка.

— Дык, тут отродясь турыстов не было.

— А можа вы, хлопцы, по мак пришли — дык няма яго, не расте. Да и на наркоманов гэтых вы не похожи.

— Ну какие же мы наркоманы, бабуля? — укоризненно начал Леха, — просто мы с братом выполняем заказ одной туристической организации, ищем новые места для отдыха, новые маршруты прорабатываем. Кстати, у вас тут ничего интересного не имеется? Ну, скажем, какие-нибудь памятники древней архитектуры, или еще чего?

Было видно, что бабулька с трудом понимает сказанное. Услышав слово памятки она оживилась.

— Як же, есть памятники. Один у калгасе, напротив конторы — Ленину значит, а другой перед школой — якому-то хлопцу з трубою, еще за дзярэуней — солдатам, погибшим на войне. Да только гэта в другой стороне от нас будзе, вы ж оттуль прийшли, али не бачили?

— Те памятники мы, бабуля, все видели. Для туристического бизнеса они никакой ценности не представляют. Нас больше интересуют те памятники, которые в стародавние времена воздвигнуты были. Ну, дома старинные или замки. При слове «замки» старушка вздрогнула, потом затараторила: — няма тут нияких замкау и не было николи. Хлопчыки, уже тямно совсем, куды ж вы на ночь глядзя пойдете? Идите в хату. Я одна живу, места много. Зараз я вам бульбы навару, шкварочек пожару. У меня и ночуйте. А зранку пойдете куды вам треба. Ходьте за мной, дороженькие, ходьте.

Бабушка направилась было к дому, но взгляд ее остановился на старом колодце. В этом взгляде читались одновременно страх, удивление, сожаление и много других сходных с этими чувств.

— А ктой-то воду набирал с того колодезя?

— Да это мы, — растерянно сказал Алексей, — хотели водички попить.

— Ой зря, ой зря вы гэта зрабили, хлопцы, — запричитала старушка, — не треба было того рабить. Али тяпер уж ничаго не зробишь. Ходьте до хаты, а я зараз приду.

Она подошла к колодезю, перекрестилась, что-то пошептала, взяла ведро и вылила его содержимое обратно в колодезь. Опять перекрестилась, снова пошептала, повернулась и пошла по направлению к дому.

Наблюдавшие за ней братья в недоумении переглянулись. В народе, вроде, не принято воду в колодезь выливать, а тут наоборот получается, но спросить постеснялись.

— Ходьте, ходите хлопцы, — засуетилась бабуся, — ничего, усе буде у порадку. Зараз я плиту распалю, бульбы навару, шкварочек пожару, — словно заведенная хлопотала старушка.

Ребята вошли в дом. Их удивил царивший везде идеальный порядок, было до отвращения чисто. Как по команде они посмотрели вниз, на свои рыжие от пыли кроссовки.

— Скидайте боты и проходите, зараз будем вечерять.

Они вошли в комнату. Она была просторной, прохладной и какой-то светлой, несмотря на сгущавшиеся за окном сумерки. В красном углу, перед образами, мирно коптила лампадка.

— Али ж вы, хлопцы, можа не крещеныя? — заглянула в комнату старушка.

— Да мы-то крещеные, — виновато начал Алеша, — только вот...

— Ну ничего, ничего, проходите. А як вас, хлопцы, кличут?

— Меня Алешей, а это мой брат, Сергей. А вас как зовут, бабушка?

— Кличут бабкой Стефой, а полностью — Стефания Казимировна.

— Вы, наверное, полька? — впервые за этот вечер подал голос Сергей.

— Да не, не полька. Белоруска, а имя польское. Вы меня кличьте бабкой Стефой, як зауседы, так лепей будзе. Ну, да чаго ж вы стоите, сядайте хлопчыки, сядайте, одпочните криху, а я пойду ести зраблю, — бабуля снова скрылась за дверью.

Братья с удовольствием уселись на огромный старинный диван, покрытый, видимо, домотканым покрывалом. В доме было прохладно, несмотря на то что окна были закрыты, а на дворе стояла духота. Мух и комаров в доме не было, как, впрочем, не было и телевизора, даже радио отсутствовало. Электричества не было тоже. С потолка свисала старинная керосиновая лампа. По комнате растекались синие вечерние сумерки. Стояла звенящая тишина и лишь изредка из кухни доносились звуки приготавливаемого ужина. Что-то зашипело, зашкворчало и ноздри защекотал запах жарящегося сала и лука. Только теперь ребята поняли, как сильно они проголодались.

В комнату вошла бабуля с тонкой горящей лучиной в руках. Она подошла к лампе, приподняла стекло и подожгла фитилек. Все вокруг озарилось неярким и каким-то теплым, уютным светом. Хотелось сидеть молча, ни о чем не думать и наслаждаться покоем и умиротворением, царившими в этом гостеприимном доме.

— Почакайте, зараз, зараз, — сказав это, бабушка снова убежала на кухню.

Ребята стали осматриваться. Кроме дивана в комнате имелась и другая мебель. Огромный овальный стол, покрытый идеально белой, накрахмаленной скатертью. Вокруг стола стояло несколько, таких же массивных, резных стульев, с высокими спинками. В углу, у печки, расположилась такая же огромная, явно старинная кровать, высокие, резные спинки которой были изготовлены из какого-то темного дерева. Добрых полметра перин застелены красивым узорчатым покрывалом. Над всем этим высилась пирамида из, сложенных одна на другую, пузатых, подушек, покрытых тонкой тюлью.

Два больших окна занавешены прозрачными шторками, более плотных штор на окнах не имелось. Между окнами, на стене, в красивых деревянных резных рамках, красовались

старые, пожелтевшие от времени фотографии. На них были изображены усатые военные, в форме начала века, с саблями на боку. На более свежих фотографиях изображены тоже военные, но уже в форме красноармейцев, даже имелось несколько фотографий людей в офицерских погонах. Невольно вспомнился дом, мама. Куда их занесло, и зачем? Какие фантастические идеи, порой, рождаются в головах людей. Вопреки здравому смыслу, вопреки логике. Лишь неистребимое желание заглянуть, хоть краем глаза, туда, где заканчивается понятное и начинается необъяснимое, во все века двигало человечеством. «Любопытство не порок, а источник знаний», вспомнилась вдруг старая поговорка. Так думал Алексей, пока ход его мыслей не был прерван вошедшей в комнату хозяйкой дома. В одной руке она держала большую тарелку, на которой дымились аппетитные, мясистые шкварки, а в другой — блюдо с вареной картошкой, обильно приправленной жареным луком. Бабушка стала накрывать на стол. Как по взмаху волшебной палочки на нем появились свежие помидоры, аппетитные, все в пупырышках огурчики, зелень, кольца домашней колбасы и, в довершение всему, небольшой, еще пахнущий дымком, начищенный до умопомрачительного блеска, самовар, в окружении больших пузатых чашек. В тарелочках отливало янтарем и рубином варенье. Отдельно возвышалась горка свежей черники, обильно посыпанной сахаром.

— Ну, седайте, хлопцы, — сказала бабуля, — седайте, повячерим. Кушайте хлопцы, не стесняйтесь, что бог послал.

Она перекрестилась и стала наполнять тарелки ребят картошкой и шкварками. Едва сдерживаясь, братья набросились на еду. Им казалось, что такой вкуснятины они не ели никогда в жизни. Все было изумительно. Картошечка таяла во рту, шкварки приятно хрустели на зубах румяной корочкой, зелень источала дивный запах. Помидоры просто сочились сладковатым соком, огурчики оглушительно хрустели. В общем, ужин казался сказочным. Руки юношей взвивались над столом, молнией хватали все без разбора и так же быстро все это исчезало у них во рту. Они глотали еду, почти не жуя, и снова набивали рты до отказа.

Сергей под столом ткнул брата коленкой.

— Реже мечи, уши отстегнутся.

— Сам дурак, — парировал старший и отправил в рот большую шкварку целиком, следом за ней последовала картошка, хлеб, колбаса, помидор... попытка втиснуть туда еще и зелень не увенчалась успехом, и она торчала наружу в разные стороны, словно бутафорские усы. Сергей наблюдал за братом с удивлением и страхом. Казалось, Лехины щеки сейчас треснут. Он с большим трудом задвигал челюстью, без особого, правда, успеха и, решив, что жевать уже достаточно, сделал глотательное усилие. Пища никак не хотела проглатываться. Леха начал икать, его глаза готовы были вылезти из орбит. Сергей, давясь от смеха, засопел как бегемот, поскольку его рот был так же полон еды. Профессиональный удар по спине, между лопатками, заставил Леху на мгновение задуматься о бренности бытия. Он прикрыл глаза руками, видимо боясь, что они выскочат.

— Ой, божечки мои! — Запричитала бабуля, — зараз дам запить. Встрепенулась и убежала на кухню. Через мгновение она вернулась, неся в руках увесистую крынку с квасом. Квасок был холодный и фантастически вкусный. Братья, выпив по две кружки, в состоянии близком к экстазу, откинулись на спинки стульев. Их глаза излучали сытое мужское тепло.

— Чайку, хлопцы, з варэннем? — Не унималась бабуся.

— Не, бабуль, спасибо, больше не можем, — ответил за двоих Алексей, — как бы

травмы не было.

— Ну, хоть ягодку съешьте, свежая. — Старушка протянула ребятам по красивой серебряной ложке.

— А, ягодку можно! — Решил Сергей.

Он зачерпнул из тарелки целую ложку, с горкой, черники, отправил в рот, зажмурился от удовольствия.

— Мама дорогая, как вкусно-то! Ну, бабушка, ну вы даете! Это просто я не знаю, это даже неприлично. Я весь в эйфории, nirvana, по сравнению с этим, постоянный двор...

Удар локтем в бок остановил поток его красноречия.

— Спасибо, бабушка, все было очень вкусно. — Как можно вежливее поблагодарил Алексей.

— Ну, на здоровычко, на здоровычко, — запричитала Стефания Казимировна, — кабы усе добра было. Дай божечки, дай божечки.

Братья переглянулись и поняли, что самостоятельно встать из-за стола они уже не смогут. Вес, как говорится взят, но удержать его спортсмен не в состоянии.

Алексей взглянул на наручные часы. На электронном табло мигали цифры: 23.30. В доме, почему-то, часов не было нигде.

— Бабушка, а почему у вас в доме вся мебель такая красивая, а часов нет? — Спросил вдруг Сергей.

— Да на што яны мне, часы гэтыя? Да и не идут яны здесь, — обреченно ответила бабуля.

— Кольки их тут было, а ни одни не ши. З ранком встаю, як стямнее ложусь, а гадзины личить мне не треба. Кольки бог на роду написал, стольки и проживу. Прийде час — помру. Всяму свой час на гэтай зямлі. Ну, хлопчики, треба почивать, час поздний.

Бабка направилась к кровати, стала стелить постель. Белье было идеально чистым. Казалось, на этой постели никто никогда не спал.

— Хочыте, разам лягайте, а не, то хтось на диванчыку может легчы.

— Не, бабуля, мы вместе ляжем, места тут на четверых хватит, — ответил Алексей. Сергей согласно кивнул.

— Ну, лягайте, хлопцы, лягайте, а я сабе пойду в другую кимнату. — Сказав это старушка вышла, плотно прикрыв за собой дверь. Затем снова вошла, держа в руках сосуд, очень напоминающий ночную вазу. Братья удивленно уставились на бабушку.

— Як захочыте у туалет, дык ось вам. Ночью на двор не хадите, не треба. Ну, добраноць, хлопчыкі. — И вышла.

Бабуля еще погремела немного посудой на кухне, пошаркала по дому старческой походкой, затем дверь в соседнюю комнату закрылась, скрипнула кровать и все стихло. Нависла звенящая тишина. Не было слышно привычного пения цикад за окном, в доме не пел сверчок, не скреблись мыши. Такой тишины братья не слышали никогда. Они разделись и забрались под одеяло, вернее, это была самая настоящая пуховая перина. Их тела утонули в другой перине, служившей матрацем, головы опустились на мягчайшие, казалось, воздушные подушки. Сон сразил их мгновенно.

Холодно. Ной проснулся, дрожа всем телом. Он лежал, сжавшись в комок, подтянув ноги к животу и обхватив их руками. Тело было мокрым от утренней росы.

Его мучила жажда, очень хотелось есть. На востоке в небо поднималось красное Солнце. Он уже знал, что это Солнце и что скоро станет тепло. Он встал и начал растирать свое замерзшее тело.

«Надо что-то съесть, обязательно», — думал он, — «иначе...», а что иначе? Он понимал, что его существование закончится. Закончится, и что тогда?

«Тогда я не узнаю, что же там, за горизонтом». — Думал он.

«А зачем мне это?»

Он не знал, зачем, но хотел узнать. Наклонившись, он сорвал пучок сочной травы, некоторое время смотрел на него, затем отправил в рот. Пожевал, проглотил, потом сорвал еще и еще. Голод немного утих, но пить хотелось по-прежнему. Идти снова к реке было страшно. Он пошел в другую сторону, повернувшись к солнцу спиной. Утренние лучи приятно ласкали тело первым теплом. Стало веселее, только очень хотелось пить. Он увидел, что на травинках серебрятся крупные капли росы. Встав на четвереньки, он стал собирать их губами. Кое-как удалось заглушить и жажду.

«Теперь можно идти», — подумал он, вновь повернулся спиной к солнцу и бодро зашагал вперед. Он шел весь день. Равнина казалась бескрайней. Горизонт, почему-то, не приближался. В небе громоздились огромные облака, плечи нещадно обжигали солнечные лучи, надо было идти вперед. Он не знал, зачем это нужно, просто нужно и все. Спустились сумерки. В пути он уже несколько раз утолял голод травой, но роса высохла, и снова очень хотелось пить. Быстро стемнело, в небе, одна за другой, ярко вспыхнули звезды. Он устал, он очень устал. Он лег на траву и смотрел на звезды. Они располагались в небе, образуя какие-то причудливые фигуры. Он не знал, что это за фигуры, но стал уже к ним привыкать, стал различать их. Он мысленно проводил линии, соединяющие звезды, получались какие-то знаки. Что-то знакомое чудилось в этих знаках, но что, он не мог понять. Ной не заметил, как вновь заснул. Ему впервые приснился сон. Ной тут же проснулся, сел, недоуменно озираясь по сторонам. Вокруг было темно. На небе привычно мерцали звезды. Он никак не мог сообразить, что же он увидел, и куда все делось. Мир, который он видел во сне, был другим, непоследовательным, отрывочным, непонятным. Ной решил, что есть два мира: один — вокруг него, а другой — внутри.

«А сколько их вообще?» — Подумал он.

Он снова лег и закрыл глаза, ему захотелось в другой мир, и он снова заснул. Мир опять стал другим. Он был загадочным, неосозаемым и интересным.

На этот раз Ной проснулся от яркого света, бившего ему прямо в лицо. Он открыл глаза и тут же зажмурился. Он встал, пожевал травы, опять попытался собирать росу. Поев, он решил идти дальше. Вдруг, непонятное ощущение внизу живота, заставило его прислушаться к себе. Что-то рвалось наружу изнутри. Ной испугался. Он сделал усилие, но долгие сопротивляться не смог. Он с ужасом наблюдал, как из его тела, откуда-то снизу, что-то выделяется. Ему вдруг стало легче. Испражнения прекратились, состояние стало привычным. Он решил, что между едой и испражнениями существует взаимосвязь и это, видимо, будет повторяться каждый раз после того, как он поест.

Нужно было идти, узнать, что же там, за горизонтом. И он снова двинулся в путь. Он шел по бескрайней равнине и до боли в глазах всматривался туда, где земля сходилась с небом. К концу дня линия горизонта изменилась в очертаниях, она стала неровной. Он понял, что близок к цели. Несмотря на усталость, он побежал. Ему так хотелось узнать, что там впереди. Но солнце закатилось раньше, и спустилась ночь. Ной лег и заснул разочарованный.

С первыми лучами рассвета он вскочил на ноги и побежал. Ломаная линия горизонта приближалась. Стали видны очертания чего-то ранее невиданного. Ной остановился тяжело дыша. Ему показалось, что впереди бушуют зеленые волны, но они были недвижимы, пейзаж не менялся. Ной предполагал, что здесь тоже может таиться опасность, и решил быть осторожным. Двигаясь шагом, он уже различал впереди отдельные детали. Зеленая масса не была однородной, как ему показалось сначала. Он подошел совсем близко.

Вправо и влево, насколько можно было видеть, перед ним стеной стоял девственный лес. Ной почувствовал, что там, за стволами деревьев, скрывается что-то новое, таинственное. Страх не было, только любопытство. Зеленые, сочные листья деревьев показались ему похожими на траву, которую он уже ел. Он сорвал несколько листков с крайнего дерева, отправил их в рот, стал жевать. Листья были горькими, Ной выплюнул их. Осторожно проходя между стволами огромных деревьев, он углубился в лес. Деревья росли на достаточном расстоянии друг от друга, чтобы человек мог свободно идти между ними. На пути попадались поляны, на которых буйно росли огромные, благоухающие цветы. На их больших листьях собирались довольно приличные лужицы росы. Ной наклонял их, и струйки живительной влаги стекали ему в рот. Наконец ему удалось вдоволь напиться. На деревьях, в изобилии росли различные плоды. Ной решил попробовать и их. Но теперь он делал это осторожно, пробуя на вкус небольшие кусочки. Плоды оказались сладкими и сочными. Ной с удовольствием утолил голод. Он присел под деревом, оперся спиной о его ствол, испытывая настоящее блаженство. Так хорошо ему еще не было. Сон сморил его мгновенно.

Сильный удар по голове разбудил и напугал Ноя. Он вскочил, собираясь спасаться бегством. По лицу текло что-то липкое. Он посмотрел себе под ноги и увидел там куски разбившегося о его голову плода. Ему стало смешно. Он смеялся, размазывая по лицу сладкий сок. Ему опять захотелось идти вперед, повернувшись спиной к солнцу, и узнать, что же там еще впереди.

Этой ночью сны не снились ни одному, ни другому. Сладкая истома, казалось, растекалась по всему телу. Такого кайфа во сне ребята не испытывали ни разу.

Алексей проснулся среди ночи от непреодолимого желания сходить по-маленькому. Он тихо выскользнул из-под перины, натянул штаны и футболку. В окна лился нежный лунный свет, можно было идти, не зажигая лампы. Леха пренебрежительно окинул взглядом оставленную бабкой Стефой ночную вазу, и решительно направился к двери. Она отворилась почти бесшумно. Он вышел в сени, входная дверь была открыта настежь. Алексей, тихо ступая по мягким, домотканым дорожкам, вышел на крыльцо. В небе ярко светила полная луна, было прохладно, пахло цветами и свежим сеном. На мгновение он замер, очарованный прелестью летней ночи. Он спустился с крыльца и направился в глубь двора, туда, где, по его мнению, должен был находиться туалет. Мягкая трава приятно щекотала его босые ноги. В направлении огорода вела тропинка. Пройдя по ней метров десять, он увидел, справа от себя, добротное деревянное сооружение.

«Чего это я должен, как ясельник, в горшок мочиться?» — Подумал он.

Справив нужду и вполне довольный собой, Леха отправился назад. Возле тропинки сидел и смотрел на него немигающим взглядом, светящихся в темноте глаз, огромный черный кот. Может это была кошка, да только кто их ночью разберет, тем более черных. Леха шикнул на кота и притопнул ногой. Тот не пошевелился. Над тропинкой нависали отягощенные обильными плодами ветви яблонь. Алексей сорвал небольшое яблоко и запустил им в кота. Оно летело точно коту в голову. Но в последний момент, когда, казалось, снаряд попадет в цель, кот отклонил голову в бок, и яблоко пролетело мимо, глухо стукнувшись о землю где-то позади. Кот посидел еще пару секунд, окидывая Леху, как показалось, презрительным взглядом, встал, лениво потянулся и важной походкой направился в дом.

«Ну, ни фиги себе! — Подумал Леха, — коты все обарзевшие до беспредела, ничего не боятся. Неправильные тут коты». — Сделал он вывод и пошел к дому, предвкушая продолжение, так некстати, прерванного сна. Он поднялся на крыльцо, и тут услышал, как кто-то набирает воду из колодца, да не из нового, а из старого. В недоумении он посмотрел в ту сторону, колодец находился метрах в двадцати от дома. Он увидел освещенную неверным лунным светом высокую фигуру в белой, до пят, рубахе, сильно смахивающей на саван. Длинные светлые, или седые, волосы ниспадали ниже пояса неизвестного. Почему-то Алексей решил, что это женщина, или девушка, хотя этот некто находился к нему спиной. Итак, девушка. Что же еще мог подумать молодой, полный жизни, человек Он верил в чудеса, и это в наше прозаичное время! Какое-то неведомое, щемящее чувство наполнило его душу таинственной надеждой. Буйное воображение уже рисовало в его взбудораженной голове фантастические сюжеты, похожие на давно забытые детские сказки. Кто она, эта прекрасная незнакомка? Заколдованная принцесса? Он расколдует ее, она полюбит его... Как все это заманчиво, но и реально! Алексей хотел, было окликнуть ее, но что-то удержало его. Девушка (?) водрузила на плечи коромысло, ловко, почти бесшумно, подцепила на него наполненные ведра, и, не поворачиваясь, направилась в сторону леса. Лес был рядом, он, практически, подступал, почти вплотную, к крайним домам хутора. От леса падала густая тень. Девушка вошла в эту тень и, как будто, растворилась в ней.

Леха стоял ошарашенный увиденным.

«Я сплю». — Была его первая мысль. Он потер руками уши, подергал себя за нос, помахал пальцем у себя перед глазами.

«Я не сплю». — Бала вторая мысль. «Тогда кто спит?» — Возник резонный вопрос.

«Сергей спит, бабка Стефа спит, а я, как последний идиот, стою тут, в три часа ночи, да полтергейстов разглядываю, стыдно. В то время, как наши космические корабли бороздят просторы Большого театра..., был бы рядом отец, он бы сказал: Это от водки, это пройдет». Но Алеша не пил и не курил. «Ну тогда это от... Да ну его в баню! Брат дрыхнет, пойду и я. Она же не в дом пошла», — успокаивал себя Леха, — а в лес. Ну и пусть чешет, ведрами об елки громыхает, а я — спать, баиньки. Я же не больной. Откуда на хуторе бабы в три часа ночи? Разврат, вроде, не заказывали. А где, блин, собаки ихние? Ни одна ж не твякнула». Вдруг Леха весь похолодел, ног коснулось что-то теплое и пушистое. От неожиданности он чуть второй раз не сходил по-маленькому, сейчас он и по-большому бы сходил, такое вот было чувство. В ужасе он медленно опустил голову и взглянул себе под ноги. Уже знакомый черный кот, выгибая спину, терся о его ногу. Леха вздохнул с облегчением. Он наклонился и нежно потрепал кота за ухом. Тот, в ответ, благодарно замурлыкал.

— Ты извини, что я тебя того, яблоком, ладно? — Обратился к коту Алексей. Кот понимающе кивнул, Леха начал икать.

«Нет, надо идти спать, мне это померещилось, почудилось. Я не верю в эту ерунду. У нас в семье в это никто не верит, так не бывает. У нас в семье говорят, что любые, даже самые непонятные и таинственные явления, всегда имеют простое объяснение с научной точки зрения. И они правы, и я прав, мы все правы». Немного успокоившись, Леха вошел в дом, благополучно добрался до кровати, с головой забрался под одеяло и блаженно уснул. Ему приснилось, что он танцевал ламбаду с бабкой Стефой, а девка, в белой рубашке, курила «Беломор» и играла на пустых ведрах, как на тамтамах.

Алексей открыл глаза, сладко потянулся, от души позевал, посмотрел на свои наручные часы. На дисплее часов мигали цифры: 11.30. Комнату заливал яркий солнечный свет. Было тихо. Бабки Стефы не было ни видно, ни слышно. Рядом, вольно разметавшись по огромной кровати, мирно спал Сергей. Леха вытянул из подушки маленькое перышко и стал щекотать им у брата в носу. Сережа морщил нос, крутил головой, отмахивался, но просыпаться никак не хотел. Тогда Леха зажал руками брату рот и нос. Сергей стал задыхаться, открыл глаза, ошалело посмотрел на брата, и тут Леха получил сокрушительный удар в солнечное сплетение. Через мгновение его руки были закручены таким образом, что нельзя было пошевелиться. Боль стала невыносимой.

— Брат, прости, гадом буду, не хотел! — Завопил Алексей.

— Шутки у тебя дебилские с утра, — проворчал Сергей, нехотя отпуская хват. — В следующий раз тресну в лоб, месяц гарантии.

— Да какое утро, Серега? День на дворе. Ты глянь сколько времени.

— И сколько?

— Да полдвенадцатого.

— Нормально поспали, я здорово выспался. — Потянулся Сергей с характерным хрустом в суставах.

— Я тоже славно оттянулся. — Алексей решил пока не рассказывать брату о своих ночных приключениях.

— Подъем! — Скомандовал он, откидывая одеяло, встал и начал одеваться. За ним

нехотя потянулся и Сергей. Братья, надев только штаны, по пояс голые, босиком вышли на улицу.

Стоявшее уже в зените солнце пригревало не на шутку. Легкий ветерок едва шевелил зеленую листву на деревьях. От колодца, с полными ведрами, шла, сгибаясь под их тяжестью, бабка Стефа. Ребята бросились ей помогать.

— Ой, дякуй, хлопчики, дякуй! — С умилением пролепетала старушка, — али ж вы спите. Зараз уже обедать треба. А я як раз супа наварыла. Идите мойтеся и будем обедать.

В тени, под старой яблоней, был оборудован простенький умывальник. Он состоял из массивного табурета, к которому, вертикально была прибита плоская жердь. На жерди, вверху, красовался умывальник со штоком-соском снизу. Для использованной воды, на табурете стоял пустой таз. На гвоздике покачивалось льняное полотенце.

Ребята сходили в дом за туалетными принадлежностями, а потом долго и с удовольствием умывались, обливали друг друга ледяной водой. Как всегда, не зная меры, едва из-за этого не подрались, потом помирились и, весело болтая, вошли в дом.

На столе их уже ждал вкусный обед.

Ребята плотно, от души подкрепились и, дождавшись, когда бабка Стефа уйдет мыть посуду, стали решать, что же им делать дальше.

— Ну, с чего начнем? — Бодро начал Сергей, — меня просто руки чешутся. Мы ведь, как раз, в том районе находимся. Может, начнем потихоньку местность обследовать?

— Я думаю, что торопиться не надо, — задумчиво отвечал Леха, — сдается мне, что должны мы сначала произвести опрос местного населения, в лице гражданки Стефании Казимировны, на предмет того, не знает ли она чего? Мне так кажется. И, конечно же, надо определиться с жильем. Мне сия избушка на курьих ножках, почему-то, больше импонирует, чем палатка посреди болота. Да мы можем пока и в нежилом доме пожить. У коллег будут другие мнения? — Леха вопросительно посмотрел на брата.

— Коллектив, в принципе, согласен с высказанным мнением, — в тон брату отвечал Сергей, — а лично от себя, хотел бы добавить, что если предложить, вышепоименованному местному населению, в лице вышеуказанной особы, помощь по хозяйству, то эта особа, в лице местного населения, указанным ниже образом, может согласиться предоставить для экспедиции необходимые помещения, без арендной платы, на условиях, так сказать, бартера. Я не очень утомил коллег своим докладом? Хозяйство у нее не большое, сколько ей одной надо? За пару дней, думаю, управимся. Но нужен хороший, а главное честный предлог.

— Это я беру на себя, — авторитетно заявил Алексей, — уж что, что, а насчет честности я ручаюсь. Да и вообще, это дело тонкое, под силу только высокообразованным, интеллигентным личностям.

Леха оканчивал университет, знал в совершенстве два иностранных языка, был компьютерным геймером, выступал за команду КВН, сочинял и сам читал рэп, одним словом, в университете считался, если не самым, то очень продвинутым парнем.

— Очень вы не интеллигентно говорить изволите, — начал Сергей обиженно, — где же это видано, что бы образованный человек, так уничижительно относился к собеседнику. Вы так и намекаете на то, что кое-кто из присутствующих, и это явно не вы, до некоторой степени, невежественен. Смею напомнить, что в стране назрела революционная ситуация и негодующие низы, если верхам пофигу, могут и не посмотреть на интеллигентность. Низам ничего не стоит, эту самую интеллигенцию, как следует проучить. И для этого низам совсем не обязательно палить из носового орудия крейсера «Аврора», а затем самозабвенно

кататься на воротах Зимнего. Низы могут, по-простому, захватить верхам в репу, снизу вверх, и дело с концом.

— Вандал! — Воскликнул Леха с деланным негодованием.

— Протестую! — Возражал Сергей.

— Бунтовать?!

— Выражаю законные требования угнетенных масс!

— В Сибирь!

— Пусть сильнее грянет буря!

— Остановите это безумие!

— Мы наш, мы новый...

— Стрелять эту публику!

— Всех не перестреляете!

— В шею!

— В морду!

— Руби их в песи, круши в хузары!

— Куда, куда?

— Быдло!

— Что-о!?

— К барьеру!

— ...

Все могло кончиться плачевно для сторон, но, в этот момент, в комнату вошла бабка Стефа.

Леха, быстро перестроившись на мирный лад, обратился к бабуле, начав издали.

— Бабуля, а что это у вас на хуторе собаки ни одной не видно?

Сергей удивленно посмотрел на брата, и покрутил пальцем у виска.

Ничуть не смутившись, Леха продолжал.

— Тут, наверное, зверей диких полно, волков всяких, кабанов?

— Да няма тут нияких звярэй. — Простодушно отвечала бабуля.

— Кольки я тут живу, так ни единого и не бачила. А собак няма. Да и не было их тут николи. Не вядутся здесь собаки. Да что собаки, куры не вядутся, животины всякая тож. Только свиньи, те добра вядутся, а чаму, я не ведаю.

— А вы тут давно живете? — Задал следующий вопрос Алексей.

— Давно, всю жизнь. И вся сямья, и родина вся, и прабабка, и бабка, усе, усе, тут жили.

— А соседи ваши? Что-то никого не видно.

— А няма уже никого. Старые были, памерли усе. Дятей у их няма, так хаты и остались неприбранные. А я уже старая, няма силы прибрать. Да что говорить, скоро и я за ими пойду. На прошлом тыдне последнюю мою соседку увезли в останний шлях. Приезжали подвою забирать, бо машиною сюда тяпер не доехать. Засталась я одна на целом свете.

— Как одна, а дети, внуки? — Не унимался Алексей.

— Няма никого. Муж да браты на войне погибли, а дятей завести не успели, молодые были. Только свадьбу отгуляли, а тут война пришла, не успели. — Бабуля смахнула накатившую слезу.

— Да, дела. — Посочувствовал Алексей. — Бабушка, скажите, а как ваш хутор называется, на карте просто сарай и все, а ведь должно быть название какое-то.

— Было название, да и есть оно. Как же без названия. Надзамча, во все часы наш хутор

назывался.

— Странное название. А почему так называли, Надзамча, вы случайно не знаете?

— Не, не ведаю. А только, когда я еще малой была, старые люди сказывали, что в стародавние времена, тогда ни панов, ни Речи Посполитой не было, да и в огуле нияких князей и прочих хозяев, жил здесь некий велький человек. Звали его Николаем. В те времена не было на земле ни зимы, ни осени, а только весь час лето. И огорода садить было не треба, бо усе само росло. А зямля была одна, а вокруг яе — море. А той велький человек, Николай, был чародей и колдун, и як ен что подумает, так то и робится. И был у яго тут замак. Большой, кажуть был замак, каменный. Было у того Николая три сына, а звали их Симеон, Харитон и Иоанн. А еще жили тогда на земле звери всякие огромные, косматые и змеи крылатые по небу летали. А тот Николай с сыновьями очень строг был. И когда выросли сыновья его, то ушли от него и сказали: — не хотим жить с тобой. А матери у них не было. Застался той Николай один. Плохо ему было одному. Престал он выходить на свет божий, затворился в своем замке и так жил много лет. А умереть он не мог, бо бессмертный был, как Кащей. А замок его был похож на крышу каменную. Окон в нем не было, а где двери были, про то никто не ведает. Только иногда на самом верху, на самой крыше горел огонь. А потом полил дождь, и лил он сорок дней и сорок ночей, и всю землю залило, и не стало никого живых на ней, а только замок не затопило совсем. А потом настала зима лютая, и замерзла вода вся до самого дна. А потом опять стало жарко и лед весь растаял, а потом и воды не стало. А потом на небе всякие знаки стали появляться, а зямля гудела и тряслася. А потом зямля под замком треснула и разошлася, и ушел той замок под землю весь, и только верхушка засталася. И, як кажуть, той старый колодезь, та самая верхушка и есть. Только то сказка для дятей, хлопчыки.

— А что стало с Николаем? — ошарашено спросил Леха.

— Я не ведаю и про то никто не сказывал.

— Бабуля, а почему из этого колодца воду брать нельзя?

— Не добрая там вода, хлопчик, не живая яна. Холодная як лед и на огне не греется, не добрая та вода.

— Да, интересная сказка, — в задумчивости сказал Леха.

— Бабушка, а других замков в вашей округе не было?

— Про другие я не ведаю, да и не казал никто.

Леха не стал спрашивать о том, что видел ночью, резонно решив еще раз все проверить. Может, действительно померещилось?

— Бабушка, а можно мы с братом поживем у вас немного. Мы вам по хозяйству поможем. Ведь одной вам, наверное, тяжело?

— Тяжело, сыночек, тяжело. Да только я уж привыкла. Сама по хозяйству справляюсь. А пожить хотите, дык живите сколько хочыте, отдыхайте.

Тут бабуля спохватилась и вновь унеслась во двор по своим неотложным делам.

— Вот это да, вот это не кисло! — восхищался Сергей, — я и не предполагал, что такие байки еще имеют место быть в нашем, так сказать, народном фольклоре.

— Серега! Да это даже не фольклор, а чистой воды легенда доисторическая! Ты прикинь, в какие времена все это было?

— Леха, я тебя не узнаю. Неужели ты на это купился? Да я тебе таких легенд сотню за день придумаю. И все будет ладненько и складненько. Стареешь, брат.

— Кто бы говорил. Даже самая невероятная сказка имеет под собой реальные события.

Так история учит. А что, если в этой сказке кроется какой-то сакральный смысл? Дыма-то без огня не бывает.

— Согласен, но кто же потомкам мог все это поведать, если никто не выжил?

— Как кто, а Ной?

— Какой еще Ной? — не понял Сергей, — что-то я не помню, что бы о каком-то Ное в данном эпосе упоминали.

— И то, правда, — встряхнул головой Леха, — я что-то перепутал, сам не пойму, откуда это имя в голову пришло. А этот Николай, он мог?

— Ну, Леха, я начинаю сомневаться в твоей способности мыслить здраво и логически и, мои смутные сомнения, уже переросли в твердую уверенность, и отсюда вывод — ты неисправимый романтик.

— Я может и романтик, да цыплят по осени считают. Посмотрим, что из всего этого выйдет. А ваши утверждения, коллега, я считаю преждевременными и легкомысленными.

— Обоснуй.

— Пожалуйста. Давай на миг представим, что все рассказанное бабулей — правда.

Я недавно в Интернете одну преинтереснейшую статейку откопал. Ее автор — некий Богданов, вроде бы ученый, типа историк. Так вот, этот самый Богданов пишет, что история земли, на самом деле, намного короче, чем принято считать в современной науке. Он утверждает, что суша раньше была одним материком и омывалась со всех сторон, одним же, океаном. А потом, в результате катаклизма, тектонические плиты разошлись и материки, как корабли, расплылись по всей земле. Земная ось изменила угол наклона, и произошли изменения в климате. И не он один так считает, есть и другие.

— И лингвист Леха в их числе, — не удержался, и съязвил Сергей.

— Ну, я же просил! — негодовал Алеша.

— Пардон, ладно, я уже заткнул фонтан, как говорится, и вновь весь внимание.

— Так вот, — продолжал развивать свою мысль Леха, — если следовать этой теории, то получается, что наша легенда, во многом, подтверждает ее. И материк один, и климат, и катаклизмы — все сходится.

— Послушай, — перебил брата Сережа, — бабуся говорила про велького человека. Это что означает — большой или великий, как ты думаешь?

— А кто его знает, — Леха начал скрести затылок, — ты, видимо, имеешь в виду сказать, что Библия по этому поводу тоже имела возможность изложить свое мнение. Ведь как написано в первой книге Моисеевой? Я точно не помню, но что-то типа: «И жили в те времена великаны, они от сынов божьих и от жен человеческих, и были это издревле славные люди». Тут трактовать можно по-разному. И «великаны» подходят и «славные», а иначе «великие», тоже. Что-то в этом есть. Эта легенда времен потопа, точно тебе говорю!

— Да, и еще бы парочку летающих тарелочек сюда присовокупить, и тогда, был бы полный абзац. Почтенный Геродот тут рядом не стоял.

— Не ерничай, — нахмурился опять Леха, — все великие открытия принадлежат именно тем людям, которые отступали от традиционного мышления и шли своей, непроторенной дорогой.

— Да, — тут же подхватил Сергей, — и как сказали Карл Маркс и Фридрих Энгельс: «Е науке нет широкой столбовой дороги, и только тот достигнет ее сияющих вершин, кто, не страшась усталости, карабкается по ее каменистым тропам», точка.

— Сергей, ты все больше меня изумляешь, — Алексей с интересом смотрел на брата, —

где ты этого нахватался, неужели сам вычитал?

— Так отец всегда говорит, — гордо ответил Сержа.

— Что-то я такого не помню.

— Да что ты вообще помнишь-то? Умотаешь в свой Минск, и нет тебя. А мы интеллектуально общаемся, в основном в баньке, под пивко.

— Под что, под что? — Алексей даже подался вперед, — ну, ты грузишь, братан. В жизни не поверю, что бы наш папа позволил тебе, в своем присутствии, пить что-нибудь крепче газировки.

— Так это он пивко пьет, а я слушаю, ну, не как он пьет, конечно, а что говорит, когда пивка попьет. Интересно, знаете ли, с интеллигентным, образованным человеком, вот так по-простому, в неформальной обстановке, так сказать, без галстуков, пообщаться.

— Ты так скоро коммунистом станешь, наобщаешься.

— Попрошу не выражаться. Так и до жидомасонства дойти можно.

— При чем тут это? Ты евреев не трогай, они — мудрые люди, они нам религию нашу придумали. И вообще, наш прадедушка родом из Одессы, и звали его Костей. Короче, хватит лирики, надо определяться с дальнейшими планами. Что мы на сегодняшний день имеем? Легенда, колодец, книга, карта.

— Да, и еще, отступник Богданов, и продвинутый лингвист Леха, и еще Карл Ма... Мама! — у Сергея, от полученной затрещины, видимо, искры из глаз посыпались.

— Слышь ты, каратитст хренов, — Леха уже не шутил, — или прекращай этот базар, или греми отсюда копытами, куда рога глядят.

— Леха, ну ты чего? — Сергей понял, что хватил лишнего, — братик, не обижайся. Я ж не со зла, я ж пошутил. Я так шутю, братик. Я, между прочим, интеллигентно шутю, без рукоприкладства. Я по-мирному, по-доброму, с любовью в сердце и теплотой в душе. А меня, родной брат, за это по башке! А меня нельзя по башке, я ж дураком вырасту.

— Не обольщайся, ты уже именно таким и вырос, — менее раздраженно заключил Алексей, — и вообще, если у нас не будет единства, то мы ничего не добьемся. Ты веришь мне?

— Я верю тебе, брат! — торжественно произнес Сережа, приложив руку к сердцу, — и я готов идти за тобой, аки агнец на заклание.

— А если серьезно?

— А если серьезно, я считаю, что мы должны проверить то, что возможно, а уж потом сопоставлять факты и делать выводы.

— Ну что ж, разумно, разумно, — Леха совсем успокоился, — итак, разработаем план действий:

— первое — нужно обследовать колодец, коли мы уже здесь. Взять пробы воды, раствора, скрепляющего камни, в общем, всего, что можно. У меня в Минске, в Институте криминалистики, есть одна знакомая, подключим ее;

— второе — надо стырить из музея книгу, попробую своим в университет занести, может кто чего и подскажет;

— третье — в общем надо мне еще кое-что проверить.

— Алексей батькович, — вдруг возмутился Сергей, — а не кажется ли вам, что вы не совсем откровенны. Что за недомолвки? Если вы считаете себя умней коллектива, то — пожалуйста, коллектив освободит вас от своего присутствия. У коллектива, так сказать, последнее лето детства бездарно проходит, а тут еще такое неуважение. Или вы измените

свое отношение, или мы вынуждены будем поставить вопрос ребром.

— Ну, наблатыкался, — вновь удивился Алеш. — этому ты тоже в бане научился?

— Если есть чему поучиться у собеседника, то почему нет? — умничал Сергей.

— Знаешь Сережа, я, конечно, ни в чем не уверен, но минувшей ночью я кое-что видел, когда выходил по-маленькому. И Алексей рассказал брату о событиях, произошедших с ним ночью.

— И ты молчал! — негодовал Сергей, — а вдруг бы и мне захотелось этой ночью по-маленькому!? А вдруг бы я напугался? Я ведь так могу зайкой стать. Представляешь наше возвращение домой? Вот вам, мама и папа, ваш младший сын, абсолютно чисто заикающийся по-английски. — Ты не брат мне больше, ты — сотрап!

— Ты хоть знаешь кто это? — насмешливо спросил Леха.

— А то! — Сергей явно гордился своей эрудицией, — сотрап — это тот, кто с тобой вместе ест, сотрапезник то есть. Только ты неправильный сотрапезник, ты хочешь все сам съесть и ни с кем не поделиться, поэтому ты — сотрап!

— Здорово у тебя с логикой, — рассмеялся Леха, — тем не менее, я хотел бы этой ночью, свои сомнения, на этот счет, развеять. Нужно убедиться, что данное явление действительно имеет место быть. И если оно, явление, действительно имеет место быть, то надо проследить, куда оно каждую ночь воду таскает и зачем. Да и вообще, может его или ее, порасспросить так аккуратненько, без фанатизма, мол кто, откуда, куда, зачем, чего так поздно, и так далее.

— Ты еще паспорт у них спроси. А они тебе ответят, что есть, мол, документик. Серия «Вурдалак», номер 666, и аккуратненько так еще намекнут тебе, тоже без фанатизма, мол, сам-то ты кто, и чего ты тут вопросы спрашиваешь? А потом выдадут тебе, под роспись, рога, копыта и хвост, пятак тебе начистят, и в свой сплоченный коллектив запишут — типа, в нашем полку прибыло. Только учти, родителям сам будешь объяснять, откуда у тебя такие милые черты появились. А мне так даже приятно. Раньше говорили: «Сам черт ему не брат». А теперь, я с гордостью смогу заявить, что черт мне брат, притом родной, зовут Леха, точка.

Глава 6

Откуда-то издалека, с той стороны, где встает солнце, послышался какой-то неясный гул. Казалось, это дальние раскаты грома. Но гром не гремит постоянно и ровно. Ной прислушался. Появилось чувство тревоги. Гул нарастал, нарастало беспокойство. Звук становился все сильнее. Казалось, земля откликается на этот звук легким подрагиванием. Беспокойство стало перерастать в страх. Он стоял посреди леса и смотрел в небо, в ту сторону, откуда появляется солнце. Деревья не давали возможности видеть далеко. Страх смешивался с любопытством и, наконец, любопытство взяло верх. Ной побежал к краю леса, к тому месту, где он, несколькими днями ранее, в этот лес вошел. Бежать пришлось не очень долго. Между деревьями наметился просвет, а вот и край леса. Ной замедлил шаг и осторожно вышел на открытое место. Далекий гул, тем временем, превратился в ужасный рев. Ной посмотрел в небо и ужаснулся. Прямо над ним, рассекая исполинским хвостом дыма небо, с востока на запад, неся огромный огненный шар. Ною казалось, что этот шар сейчас упадет на землю совсем близко, и тогда произойдет что-то ужасное. Небо ревело, земля содрогалась, с деревьев градом сыпались плоды. Человек застыл в ожидании. Поднявшийся следом ураган швырял в лицо пучки травы, мелкие ветви кустарника. Ной не замечал этого, он стоял и смотрел, широко открытыми глазами, в небо. Его интересовало только то, что происходило вверху. Но шар скрылся за верхушками деревьев. Рев перешел в гул, который, в свою очередь, стихая, превратился в далекий, неясный рокот, как далекие раскаты грома, потом затих вовсе. В небе широкой полосой расходился гигантский дымный след. Все вокруг стало прежним и уже привычным. Ной стоял, осыпанный травой и пылью. Он все еще смотрел в небо, одолеваемый различными чувствами. Самым сильным чувством было любопытство. Как бы откликаясь на это его чувство, с той стороны, куда улетел огненный шар, раздался далекий, но довольно мощный грохот. Через некоторое время земля под ногами задрожала, загудела, Ною показалось, что из земли вырывается мучительный стон. Когда все стихло, на лес обрушился шквал урагана. Ураган не был долгим, но жизни Ноя угрожала реальная опасность. Наученный горьким опытом, Ной укрылся в надежном месте и там переждал стихию. После того как порывы ветра стали слабее, Ной вновь выбрался на открытое место и посмотрел в ту сторону, откуда пришел ураган. Увиденное, заставило его замереть пораженного новой, величественной и пугающей картиной. Казалось, откуда-то из глубоких недр, и до самого неба, ввысь взметнулся гигантский столб дыма. Высоко вверху столб расходился в стороны, и становился похож на гигантский гриб. Ной заметил и другие изменения в небе. Горизонт стал полностью свинцовым, гигантского столба уже почти не было видно, надвигалась страшная грозовая туча. Конца и края не было видно, казалось небо готово обрушиться на землю и, наконец, это произошло. Дикий раскат грома гигантским молотом, казалось, вбил в землю все находящееся на поверхности. Ураган рванул сначала верхушки деревьев, а затем и весь лес, с его исполинскими стволами, запел, как натянутая тетива лука. Ною стало жутко. Он опрометью бросился с открытого места под спасительную сень леса, отыскал какую-то яму, под гигантскими корнями дерева, забился туда и замер в ужасе. Воздух, казалось, перестал существовать, а с неба, сплошной стеной обрушился страшный ливень. Углубление, в котором скрывался Ной, быстро превратилось в большую лужу, вода пребывала стремительно. Укрытие уже не спасало, но бежать было некуда, кругом бесновалась стихия. Вдруг Ной почувствовал, как содрогнулось то, что еще

называлось деревом — его убежищем, а в следующую минуту, вырывая из земли огромные куски почвы, со стоном и треском, гигантский ствол рухнул на землю. Человек остался один на один со стихией. В образовавшуюся яму хлынули потоки грязи, они подхватили человека, и понесли по воле волн. Он, конечно же, не умел плавать. Инстинктивно хватаясь за все несущееся с ним рядом, Ной нащупал огромный, похожий на бревно сук, и, с надеждой, обхватил его руками. Человек изо всех сил боролся за жизнь, но стихия была сильнее. Ствол был гладкий и скользкий, Ной совсем выбился из сил, пытаясь удержаться возле него. В конце концов, руки окончательно перестали слушаться, разум помутился, Ною было уже все равно. Единственная мысль, слабо бившаяся, где-то на задворках сознания, еще не отпускала его. «Так неужели же за этим!?» — Подумал Ной и потерял сознание.

Боль, нестерпимая, жгучая, растекалась по всему телу. Сознание, как бы нехотя, возвращалось, но тело боролось и не хотело этого возвращения из небытия. Ной со стоном открыл глаза, с трудом понимая, что происходит вокруг него. Но уже ничего не происходило. В небе, как ни в чем не бывало, сияли звезды. Ничто не напоминало о недавно бушевавшей здесь стихии, но только на первый взгляд. Вместо леса во все стороны простиралась изуродованная равнина, и только изредка были видны, чудом, уцелевшие деревья и кустарники. Все остальное было свалено и снесено в огромные уродливые кучи, по размерам больше напоминавшие холмы. На одной из таких куч, видимо занесенный туда потоком, лежал Ной. Боясь пошевелиться, чтобы не причинить себе боли, он лежал и пытался привести в порядок свои мысли. Он не понял, что произошло с ним и, не знал, нужно ли ему радоваться или горевать. Дни этой не понятной, животной жизни, прожитые на, не безопасной, но такой прекрасной планете... И откуда он все это знал? Более того, он уже помнил! Это было так интересно — вспоминать, что было с тобой вчера, позавчера, и сколько вообще дней вместится в его голову, что бы их помнить. Ной не знал, и от этого ему было интересно жить. Он сделал вывод, что все-таки ему надо радоваться. Превозмогая боль, он пошевелил рукой, попытался приподняться — очень больно. Небо на востоке стало светлеть, горизонт окрасился яркими красками рассвета, начинался новый день. Ной не знал, чего ему ждать от этого очередного дня, он лежал и прислушивался к боли, которая терзала его тело. Утренний холод заставил его дрожать, стучать зубами.

«Так дальше нельзя» — подумал он — «нужно что-то делать».

Он вновь попытался сесть, крик боли разнесся над землей, но Ной сел. Его тело было покрыто ссадинами, царапинами, глубокими порезами, кровоподтеками и, вдобавок ко всему, еще и приличным слоем грязи. Он впервые увидел кровь. Она лениво сочилась из порезов на руках и теле. Ной потрогал ее пальцем, на нем осталось ярко красное пятно. Он провел пальцем по своему телу, получилась линия. Это было интересно. Он снова опустил палец в рану, стало еще больней. Человек провел вторую линию, параллельно первой, а потом провел третью, перпендикулярно пересекающую две предыдущие. Какие-то отголоски воспоминаний проснулись где-то глубоко, в его подсознании. Нельзя было понять, что это за воспоминания и откуда они могли взяться. Ной устал от напряжения и снова откинулся на спину, а через мгновение он забылся тревожным сном.

Когда он вновь очнулся, солнце уже палило нещадно. Было тихо. Опять вернулась боль, но не такая острая, как раньше, теперь она была тупой, ноющей и, при том, еще довольно сильной. Он опять осмотрел себя — раны покрылись грязной кровяной пленкой. Надо было подняться, надо было что-то делать. Ной, прилагая невероятные усилия, крича от боли, встал. Его качнуло в сторону, и он едва устоял на ногах, рискуя свалиться с высоты того

завала, на который его вынесло дождевыми потоками. Он осмотрелся. Пейзаж вокруг был жуткий. Вывороченные с корнем гигантские деревья беспорядочно громоздились друг на друге, а внизу, кроме наносов мусора и грязи, ничего не было. Ной стал осторожно спускаться вниз. Спустившись, он перевел дух и, утопая по колено в грязи, двинулся к ближайшей луже, из тех, которые в изобилии имелись в местах выворотов деревьев. Он вошел в воду и стал жадно пить. Затем он кое-как умылся и промыл свои раны, даже не зная, зачем ему это нужно. Что-то подсказывало ему, что так будет лучше. И действительно, он почувствовал некоторое облегчение. Появилось чувство голода. На поверхности воды плавало много сорванных ветром плодов. Ной основательно подкрепился и почувствовал себя намного лучше.

Человек понимал, что лес стал непригоден для жизни, и нужно идти, искать лучшие условия для обитания. Превозмогая боль, он медленно тронулся в путь, опять повернувшись к солнцу спиной. Зачем ему понадобилось двигаться именно в этом направлении? Он хотел узнать, что произошло с огненным шаром. Ему снова было интересно.

Глава 7

Откуда-то издалека, с той стороны, где встает солнце, послышался какой-то неясный гул. Казалось, это дальние раскаты грома. Но гром не гремит постоянно и ровно. Ной прислушался. Появилось чувство тревоги. Гул нарастал, нарастало беспокойство. Звук становился все сильнее. Казалось, земля откликается на этот звук легким подрагиванием. Беспокойство стало перерастать в страх. Он стоял посреди леса и смотрел в небо, в ту сторону, откуда появляется солнце. Деревья не давали возможности видеть далеко. Страх смешивался с любопытством и, наконец, любопытство взяло верх. Ной побежал к краю леса, к тому месту, где он, несколькими днями ранее, в этот лес вошел. Бежать пришлось не очень долго. Между деревьями наметился просвет, а вот и край леса. Ной замедлил шаг и осторожно вышел на открытое место. Далекий гул, тем временем, превратился в ужасный рев. Ной посмотрел в небо и ужаснулся. Прямо над ним, рассекая исполинским хвостом дыма небо, с востока на запад, неся огромный огненный шар. Ною казалось, что этот шар сейчас упадет на землю совсем близко, и тогда произойдет что-то ужасное. Небо ревело, земля содрогалась, с деревьев градом сыпались плоды. Человек застыл в ожидании. Поднявшийся следом ураган швырял в лицо пучки травы, мелкие ветви кустарника. Ной не замечал этого, он стоял и смотрел, широко открытыми глазами, в небо. Его интересовало только то, что происходило вверху. Но шар скрылся за верхушками деревьев. Рев перешел в гул, который, в свою очередь, стихая, превратился в далекий, неясный рокот, как далекие раскаты грома, потом затих вовсе. В небе широкой полосой расходился гигантский дымный след. Все вокруг стало прежним и уже привычным. Ной стоял, осыпанный травой и пылью. Он все еще смотрел в небо, одолеваемый различными чувствами. Самым сильным чувством было любопытство. Как бы откликаясь на это его чувство, с той стороны, куда улетел огненный шар, раздался далекий, но довольно мощный грохот. Через некоторое время земля под ногами задрожала, загудела, Ною показалось, что из земли вырывается мучительный стон. Когда все стихло, на лес обрушился шквал урагана. Ураган не был долгим, но жизни Ноя угрожала реальная опасность. Наученный горьким опытом, Ной укрылся в надежном месте и там переждал стихию. После того как порывы ветра стали слабее, Ной вновь выбрался на открытое место и посмотрел в ту сторону, откуда пришел ураган. Увиденное, заставило его замереть пораженного новой, величественной и пугающей картиной. Казалось, откуда-то из глубоких недр, и до самого неба, ввысь взметнулся гигантский столб дыма. Высоко вверху столб расходился в стороны, и становился похож на гигантский гриб. Ной заметил и другие изменения в небе. Горизонт стал полностью свинцовым, гигантского столба уже почти не было видно, надвигалась страшная грозовая туча. Конца и края не было видно, казалось небо готово обрушиться на землю и, наконец, это произошло. Дикий раскат грома гигантским молотом, казалось, вбил в землю все находящееся на поверхности. Ураган рванул сначала верхушки деревьев, а затем и весь лес, с его исполинскими стволами, запел, как натянутая тетива лука. Ною стало жутко. Он опрометью бросился с открытого места под спасительную сень леса, отыскал какую-то яму, под гигантскими корнями дерева, забился туда и замер в ужасе. Воздух, казалось, перестал существовать, а с неба, сплошной стеной обрушился страшный ливень. Углубление, в котором скрывался Ной, быстро превратилось в большую лужу, вода пребывала стремительно. Укрытие уже не спасало, но бежать было некуда, кругом бесновалась стихия. Вдруг Ной почувствовал, как содрогнулось то, что еще

называлось деревом — его убежищем, а в следующую минуту, вырывая из земли огромные куски почвы, со стоном и треском, гигантский ствол рухнул на землю. Человек остался один на один со стихией. В образовавшуюся яму хлынули потоки грязи, они подхватили человека, и понесли по воле волн. Он, конечно же, не умел плавать. Инстинктивно хватаясь за все несущееся с ним рядом, Ной нащупал огромный, похожий на бревно сук, и, с надеждой, обхватил его руками. Человек изо всех сил боролся за жизнь, но стихия была сильнее. Ствол был гладкий и скользкий, Ной совсем выбился из сил, пытаясь удержаться возле него. В конце концов, руки окончательно перестали слушаться, разум помутился, Ною было уже все равно. Единственная мысль, слабо бившаяся, где-то на задворках сознания, еще не отпускала его. «Так неужели же за этим!?» — Подумал Ной и потерял сознание.

Боль, нестерпимая, жгучая, растекалась по всему телу. Сознание, как бы нехотя, возвращалось, но тело боролось и не хотело этого возвращения из небытия. Ной со стоном открыл глаза, с трудом понимая, что происходит вокруг него. Но уже ничего не происходило. В небе, как ни в чем не бывало, сияли звезды. Ничто не напоминало о недавно бушевавшей здесь стихии, но только на первый взгляд. Вместо леса во все стороны простиралась изуродованная равнина, и только изредка были видны, чудом, уцелевшие деревья и кустарники. Все остальное было свалено и снесено в огромные уродливые кучи, по размерам больше напоминавшие холмы. На одной из таких куч, видимо занесенный туда потоком, лежал Ной. Боясь пошевелиться, чтобы не причинить себе боли, он лежал и пытался привести в порядок свои мысли. Он не понял, что произошло с ним и, не знал, нужно ли ему радоваться или горевать. Дни этой не понятной, животной жизни, прожитые на, не безопасной, но такой прекрасной планете... И откуда он все это знал? Более того, он уже помнил! Это было так интересно — вспоминать, что было с тобой вчера, позавчера, и сколько вообще дней вместится в его голову, что бы их помнить. Ной не знал, и от этого ему было интересно жить. Он сделал вывод, что все-таки ему надо радоваться. Превозмогая боль, он пошевелил рукой, попытался приподняться — очень больно. Небо на востоке стало светлеть, горизонт окрасился яркими красками рассвета, начинался новый день. Ной не знал, чего ему ждать от этого очередного дня, он лежал и прислушивался к боли, которая терзала его тело. Утренний холод заставил его дрожать, стучать зубами.

«Так дальше нельзя» — подумал он — «нужно что-то делать».

Он вновь попытался сесть, крик боли разнесся над землей, но Ной сел. Его тело было покрыто ссадинами, царапинами, глубокими порезами, кровоподтеками и, вдобавок ко всему, еще и приличным слоем грязи. Он впервые увидел кровь. Она лениво сочилась из порезов на руках и теле. Ной потрогал ее пальцем, на нем осталось ярко красное пятно. Он провел пальцем по своему телу, получилась линия. Это было интересно. Он снова опустил палец в рану, стало еще больней. Человек провел вторую линию, параллельно первой, а потом провел третью, перпендикулярно пересекающую две предыдущие. Какие-то отголоски воспоминаний проснулись где-то глубоко, в его подсознании. Нельзя было понять, что это за воспоминания и откуда они могли взяться. Ной устал от напряжения и снова откинулся на спину, а через мгновение он забылся тревожным сном.

Когда он вновь очнулся, солнце уже палило нещадно. Было тихо. Опять вернулась боль, но не такая острая, как раньше, теперь она была тупой, ноющей и, при том, еще довольно сильной. Он опять осмотрел себя — раны покрылись грязной кровяной пленкой. Надо было подняться, надо было что-то делать. Ной, прилагая невероятные усилия, крича от боли, встал. Его качнуло в сторону, и он едва устоял на ногах, рискуя свалиться с высоты того

завала, на который его вынесло дождевыми потоками. Он осмотрелся. Пейзаж вокруг был жуткий. Вывороченные с корнем гигантские деревья беспорядочно громоздились друг на друге, а внизу, кроме наносов мусора и грязи, ничего не было. Ной стал осторожно спускаться вниз. Спустившись, он перевел дух и, утопая по колено в грязи, двинулся к ближайшей луже, из тех, которые в изобилии имелись в местах выворотов деревьев. Он вошел в воду и стал жадно пить. Затем он кое-как умылся и промыл свои раны, даже не зная, зачем ему это нужно. Что-то подсказывало ему, что так будет лучше. И действительно, он почувствовал некоторое облегчение. Появилось чувство голода. На поверхности воды плавало много сорванных ветром плодов. Ной основательно подкрепился и почувствовал себя намного лучше.

Человек понимал, что лес стал непригоден для жизни, и нужно идти, искать лучшие условия для обитания. Превозмогая боль, он медленно тронулся в путь, опять повернувшись к солнцу спиной. Зачем ему понадобилось двигаться именно в этом направлении? Он хотел узнать, что произошло с огненным шаром. Ему снова было интересно.

День за днем, преодолевая преграды и морщась от боли, он шел к своей цели. Ему казалось, что если он не узнает, что произошло с огненным шаром, то смысл бытия будет потерян навсегда. Местность впереди становилась все больше похожей на выжженную равнину. Уже почти не встречались, даже обугленные, останки стволов деревьев. Черная сажа и белый пепел. Негде было напиться, нечего было есть. Но далеко на горизонте, справа и слева от себя, Ной видел тонкие зеленые полосы, там сохранились леса, значит надо идти туда, чтобы не погибнуть.

Он решил пойти, держась боком к солнцу, а потом, дойдя до леса, вновь повернуться к нему спиной и идти так, чтобы была видна равнина и можно было утолить жажду и голод. Мысль была новой, но что-то подсказывало ему, что и не новой. Он не стал задумываться над этим, а просто сделал так, как решил. Путь к лесу был не близким. Солнце жгло, не щадя ничего. Жажда мучила человека, заглушив все остальные чувства. Быстрее, быстрее — вот уже видны зеленые волны. Вот, уже можно различить отдельные стволы деревьев, и, наконец, вот она — спасительная тень, прохлада, вода, еда — жизнь. Ной быстро нашел воду, жадно пил. Казалось, он никогда не напьется, но он напился. Он ел сочные плоды, не разжевывая, глотая большими кусками и, наконец, утолил голод. Ему стало так хорошо, как не было никогда. Он нашел мягкую траву в тени дерева, блаженно растянулся на ней и спокойно уснул.

Ной проснулся с первыми лучами зари. Он немного замерз, хотя здесь было гораздо теплее, чем там, откуда он шел. Нужно идти вперед. Он снова тронулся в путь, утоляя голод и жажду без особого труда. Через некоторое время Ной увидел, что лес на горизонте, сливается в единую зеленую полосу с его лесом, а это означает, что он, возможно, близок к разгадке огненного шара. Двигаясь краем леса, Ной стал замечать, что из земли, кое-где, что-то струится. Он не знал, что это дым. Подойдя поближе к одному из таких источников дыма, Ной стал рассматривать, откуда же он идет. Человек уже видел туман, но тот был белесый, холодный и исчезал, как только появлялось солнце. Этот туман был другого цвета — голубоватый, он казался каким-то теплым, и не пропадал на солнце. Почва здесь была очень теплой, почти горячей. Подул ветер, и там, откуда струился дымок, появился маленький язычок пламени. Ною это напомнило тот самый огненный шар, только маленький. Человек наклонился, чтобы получше рассмотреть это. В лицо пахнуло приятным теплом, дым защекотал ноздри, попал в глаза. Ной отпрянул отмахиваясь. Прошло. Во второй раз он приблизился к огню так, чтобы дым не попадал в лицо. Маленький язычок желтого пламени облизывал обугленную головешку. Ною, почему-то, захотелось взять его в руки, и рассмотреть поближе. Он взял огонек обеими руками, поднес к лицу, как будто хотел напиться. Но не успел рассмотреть то, что взял. Резкая боль заставила его отдернуть руки. Головешка упала на землю и обиженно задымила. Ной посмотрел на свои ладони. На одной из них красовался приличный волдырь. Было больно, но не так, как раньше. Боль была не такой сильной, как тогда, когда его всего изранило бурей, и Ной перестал обращать на эту боль внимание. В отдалении он увидел дымок побольше, и пошел туда. На этот раз он был более осторожным. Хотелось, все-таки, разглядеть это поближе. Он встал на четвереньки и смотрел, как огонь облизывает горку головешек. Ной подумал, что неплохо было бы иметь это ночью, когда темно и холодно. Но он понимал, что взять с собой это нельзя, поэтому он

запомнил место, и двинулся дальше. Выжженная пустошь — гигантская просека, заканчивающаяся огромным полем. Ной стоял у края леса и всматривался в выжженную равнину. Ему показалось, что в центре возвышается гряда невысоких холмов. Ной пытался рассчитать в уме, хватит ли ему времени дойти туда и вернуться назад, не умерев от жажды. Наконец он решился. Человек шел в самый центр черной пустыни. Что ждет его там, он не знает. Но он узнает.

Солнце клонилось к закату, а Ной шел к гряде небольших холмов. Он подумал, что ночью идти, не так жарко, да и пить захочется не так скоро. Не успело одно светило закатиться за горизонт, как другое, словно соревнуясь с ним, уже разливало свой сумеречный свет над равниной. И это было на руку Ною, так он не собьется с пути. Он шел, не чувствуя усталости и думал, что разгадка совсем рядом, надо только побыстрее дойти до тех холмов. Наступило утро. Холмы, в призрачном лунном свете, казавшиеся так близко, на самом деле находились на довольно приличном расстоянии. Они были, конечно, гораздо ближе, но Ной шел еще добрых полдня, пока не приблизился к ним вплотную. Пред ним возвышались нагромождения обугленной земли и валунов. Он стал взбираться по почти раскаленным склонам, но задубевшая кожа, на ступнях его ног, была мало чувствительна к этому. Обливаясь потом, он, наконец, взобрался на самый верх холма. Пред ним открылась величественная картина катаклизма. Холм, на котором стоял Ной, не был настоящим холмом, он являлся, скорее, валом, окаймлявшим гигантскую воронку. Глубина воронки тоже была внушительной. Но на самом ее дне сверкало на солнце, мизерное озерцо воды. Ной ликовал, теперь он утолит жажду и посмотрит, что же здесь произошло. Спускаться в кратер пришлось тоже довольно долго. Наконец, человек подошел к берегу озерца, предвкушая блаженство. Он был черен от копоти, он так хотел пить. Не раздумывая, он с разбега бросился в воду, одновременно делая жадные глотки, совмещая купание с питьем ... Сначала он даже не понял, что это не вода. Прошло несколько мгновений, прежде чем человек, словно ошпаренный не выскочил на берег. Но не кипяток был причиной тому, напротив, жидкость, в которую так легкомысленно окунулся Ной, была не просто ледяной, а люто ледяной. Тело человека сковала судорога, в горле онемел, скованный льдом голос. Казалось, Ной застыл на месте, не в силах сделать движение. Прошло несколько минут прежде, чем способность двигаться вернулась к нему. Дно воронки было сильно оплавлено, ветер не попадал сюда, солнце было нестерпимо жарким, а Ной трясся всем телом и не мог согреться. Он даже лег на живот и всем телом прижался к оплавленной почве. Кожу нещадно жгло, а ему так и не становилось теплее. Только по прошествии довольно продолжительного времени, Ной, наконец, стал кое-как согреваться. Сейчас ему не хотелось ни пить, ни есть. В глубокой задумчивости он стоял и смотрел на воду, вернее на то, что так было похоже на нее и, в то же время, было чем-то иным. На миг Ною показалось, что он раньше уже сталкивался с подобным явлением. Чувство дежа вю не отпускало его. Но когда, когда!? Ведь он помнит всего несколько дней своей жизни. А что было до этого? Как он оказался на том поле, лежащим в траве и смотрящим в небо? Невозможно было пробиться сквозь глухую стену сознания, он не мог вспомнить. Нестерпимый зной, наконец, вывел его из этого состояния. Солнце, казалось, пыталось выжечь все на дне воронки, жара стала осязаемой, густой и обволакивающей. Ной поспешил выбраться наверх. Тело его почувствовало нежное прикосновение ветерка. Стало немного легче. Надо было возвращаться к лесу, сил оставалось очень мало. Превозмогая усталость, Ной пошел. Идти назад было, почему-то, намного легче. Несмотря на усталость, Ной потратил, как ему

показалось, гораздо меньше времени на возвращение. Вот и спасительный лес. Ной без сил упал на мягкую траву, под раскидистым деревом. Он лежал на спине и смотрел вверх, туда, где между листьев проглядывало голубое небо. Мыслей не было, хотелось просто лежать и смотреть вверх. Солнце уже закатилось за горизонт, а он все лежал и смотрел в небо, наконец, веки его медленно сомкнулись.

Никто и никогда не узнает, что же случилось той ночью. Этого даже сам Ной не мог вспомнить.

Другая сила открыла ему свои тайны и, проснувшись, он уже знал все, или почти все, он мог все, или почти все. Так же он знал и то, что он один во всей Вселенной. Ему стало тоскливо. Так долго мучивший его вопрос: «Зачем?», перестал существовать этим утром, но тут же возник другой вопрос: «Как долго?» Ответа на него не было, хотя на все остальные вопросы ответы возникали мгновенно, в виде образов. Он теперь понял, почему его так неотвратимо тянуло к этой воронке, он знал, что находится на дне ее. Но легче ли ему стало от этого знания? Он был частью Вселенной, ее сыном и отцом одновременно. Но что-то отличало его от нее. Почему он чувствовал себя так обособленно? Ответ пришел сам собой. Понимает ли бесконечность, что она бесконечна? Способна ли она вообще понять что-либо? Нет. Неограниченная в пространстве и во времени субстанция, в которой все происходит само по себе. Никто и ничто не управляет процессами Вселенной и, лишь, Его Величество Случай правит в бесконечности и безвременье. Ной понял, что он выше бесконечности, выше случая. Он точка отсчета, он способен понять, он может управлять. Необъяснимая радость пульсировала во всем его существе. Одним усилием мысли он мог нестись в любую точку Вселенной, это было так замечательно. Но мир был пуст. Подобных ему, да и вообще, каких бы то ни было существей во Вселенной, не было. Бесконечность была не только до тоски бесконечной, она вдобавок ко всему оказалась абсолютно пустой. Зачем ему все это?

Ной обратился внутрь себя. Там тоже была бесконечность, такая же, как снаружи. Что-то было там, в этом бесконечно малом мире. Цепь совпадений, попавшая в цепь обстоятельств, в конечном итоге и привели к тому роковому событию. Были миллиарды условий, которые могли не быть созданными, было бесконечное множество вариантов, но именно этот вариант, почему-то оказался результативным. Ной не пытался проследить все логические цепочки, важно было понять суть, сам механизм. А он был прост.

Хаос перестал существовать в тот момент, когда, в результате соприкосновения случайных энергетических потоков, вдруг появилась закономерность, которая уже не была хаосом, но еще не стала разумом. Случайностей там становилось все меньше. Бессознательная сущность обретала разум и ... душу. Самодостаточная, она создавала себя. Черпая безграничную энергию извне, она направляла ее внутрь, используя как строительный материал. Но это еще не был Ной. Энергии было чересчур, справляться с ней стало невозможно. Тогда-то и начался очень энергоемкий процесс преобразования в материю. Материя стала принимать форму ... Ною опять стало тоскливо. Он больше не хотел ничего знать. Знание не давало желаемого облегчения. Он знал если не все, то почти все. Знать, что обречен вечно скитаться во Вселенной, и это венец творения?! Повторения этого может не быть никогда. В отчаянии он с силой стукнул кулаком по стволу огромного дерева. Раздался жуткий треск, исполинский ствол, расщепленный надвое, как лучина, вспыхнул и повалился на землю. Ной отскочил, в изумлении глядя на свою руку. Он закрыл лицо руками, голова шла кругом.

Впереди засветилась маленькая точка, мир окрасился в золотисто-красный цвет. Свет

из точки золотым лучом осветил того, кто потерял надежду. Стало вдруг легко и спокойно. Бесконечная Доброта и безграничная Любовь, словно перетекали по лучу, в них хотелось купаться, утонуть. Ной не понял, что или кто перед ним, но мысли, совсем другие, спокойные, уверенные стали наполнять его. «Еще рано», — в сознании Ноя эта мысль прозвучала отчетливо. Да, еще рано.

Алеша очнулся. Вернее, ему так показалось. Не было привычных ощущений, он не чувствовал своего тела. Казалось, его разум, его душа, летели стремглав куда-то, а тела не было. Было ощущение полета, но не свистел в ушах ветер, не выбивал он слезу из глаз. Да и глаз-то самих тоже, как бы, не было. Алеша еще и еще раз прислушался к себе, но так ничего и не понял. Все что он знал, так это то, что он несется куда-то в пустоте, в полной темноте, все понимает, но ничего не чувствует. И еще, полная тишина.

«Так мечутся заблудшие души, — почему-то подумал он, стало страшно, — а вдруг я уже мертв? Неужели это так происходит?» — Ему стало совсем не по себе. Неужели теперь ему придется, неизвестно, сколько времени, может целую вечность, вот так носиться в непонятно каком пространстве и измерении. Чем все это кончится, если вообще закончится? Но, все-таки любопытно, интересно. Сначала он не замечал, как на задаваемые им вопросы в сознании возникают образы, как бы дающие ответы на эти вопросы. Алексей, пока еще, был очень напуган произошедшей с ним переменой. Но, как и у большинства молодых людей, ум его быстро приспособивался к новым условиям. Сначала он увидел взаимосвязь между своими мыслями и задаваемыми вопросами. Чем больше он понимал, тем сильнее его захватывала эта странная, гениальная игра. Ему, вдруг, стало очень легко оттого, что, по неясной причине, как-то все сразу стало понятным. Ощущения, подобного этому, Алеша раньше никогда не испытывал. Странное чувство полного отсутствия тайны, какой бы то ни было. Как будто подключаешься к Интернету, только не надо ни адресов, ни тегов и времени тратить не надо. Ответ приходит мгновенно. Чем больше становилось вопросов, тем больший поток информации обрушивался на Алешкину голову. Ему казалось, что вот еще немного, и голову просто разорвет от такого объема знаний. К счастью, ничего подобного с его головой не произошло, да и не могло произойти, по той простой причине, что головы-то, как таковой, как органа, не было. Впрочем, как и всего остального. Был только его разум и еще, наверное, душа. О чем только ни передумал он, находясь в этом состоянии. Каких только вопросов не задавал. Это было так увлекательно, так завораживало, притягивало, что оторваться просто невозможно. То, что он увидел и узнал, приводило в восторг и повергало в панику. Вдруг, в его сознании возник тот самый вопрос, ради разрешения которого, они с братом и отправились в это, как оказалось, довольно рискованное путешествие. Вновь хлынувший поток информации оказался настолько непонятным, образы, события, целые эпизоды, казались нереальными. Они впервые не укладывались в рамки доступного понимания. Чем больше он получал информации, тем меньше понимал ее смысл, и сильнее запутывался. Ведь разум его оставался, суть, земным. Шоры современной науки не позволяли смотреть на вещи по-другому. А то, что он увидел, не укладывалось ни в какие рамки. Этому не было объяснения. «Интернет» объяснений тоже не давал. Видимо, и здесь был предел, за которым не было логики, но было что-то, чему нет объяснения. Здесь нужен иной подход, иное понимание мира, не земное, не человеческое. В этот момент подумалось про всяких тибетских мудрецов, самоотреченных индусов, и то, что он увидел, в ответ на свои мысли, очень удивило его. Они были ближе к пониманию, они мыслили иначе, они многое знали, а самое главное, их не мучил вопрос, который вот уже столько тысяч, миллионов, а может, миллиардов поколений живущих задают и не находят ответа. Это вопрос: зачем? Кто мы, откуда мы, каков смысл нашей жизни, куда мы идем, но главное —

зачем!? Как огненная спица пронзил сознание этот вопрос. Ответа не было, «Интернет» молчал. Но, вдруг, перед его мысленным взором появилось нечто другое, определенное.

Нечто находилось прямо перед ним. Что это было, сразу понять не представлялось возможным. Оно не было чем-то материальным. Скорее это можно было назвать некой субстанцией, не имевшей формы, а размеры ее были настолько велики, что обозреть ее, даже мысленно, было весьма трудно. Ее нужно было понять. Разум Алексея изо всех сил пытался сделать это. На миг ему показалось, что он понял. Внутри субстанции что-то происходило. Эфироподобная ее сущность стала, в одном месте, несколько плотнее. Это было похоже на облако, небольшое белое облако. Что-то материализовалось на его глазах. Оно еще не имело формы, но уже было видимым. Становилось все интересней. Леха увидел, как бесформенная масса, стала принимать какие-то очертания. Ему показалось, что это уже было, он это уже видел, но где, когда? Точно, это же человеческое ухо! Но при чем же тут ухо? Да нет, нет же, это — плод в чреве матери. Только ..., да, ведь нет же... что-то тут не вяжется. Леха смотрел во все глаза. Нет никакой матери, есть субстанция, и она материализует нечто. Ну, так и есть, человек. Это же человек! Но почему это так происходит? Ответ явился мгновенно. Видения стремительно сменяли друг друга. Он видел вселенную. Причем видел так, как никто и никогда не видел. Взгляд не был ограничен полем зрения. Он мог смотреть одновременно во все стороны и внутрь себя. Он видел все. Вселенная не показалась бесконечной. Она больше напоминала ему, какую-то, очень знакомую фигуру. Фигура была похожа на вытянутую цифру «8». И тут его осенило — знак бесконечности! Вселенная! Неужели здесь кроется разгадка?

Но с чего я взял, что это Вселенная? Но это она, «Интернет» до сих пор не подводил. Я знаю, что это она! Но тогда то, что я вижу, означает, что вселенная имеет пределы, она ограничена этим знаком, вернее фигурой. А что же там, за ее пределами, и в центре, где происходит пересечение? «Биоинтернет» отвечал на вопросы все медленнее. Видимо кто-то или что-то, а, скорее всего, нечто, пыталось донести до одуревшего от информации сознания суть всего происходящего.

«Неужели это и есть те «Альфа» и «Омега» мироздания? — думалось ему, — истина в первой инстанции».

«Интернет» работал медленно, но четко. И тут Алексей понял, почему видения сменяли друг друга так медленно. Просто они охватывают такие огромные, даже может быть, бесконечные, промежутки времени, которые не вписываются в понятие времени вообще. Он стал ясно сознавать, что понятие «время», здесь неприемлемо, нужно воспринимать все в целом. Этого не удавалось еще никому из живущих. В другое время от подобных мыслей можно было сойти с ума, но не в данном случае. Ума не было, но был разум, необъятный, пытливый, безумный разум, тот, что способен понять непонятное, объять необъятное. Он называл увиденное Вселенной, но что-то подсказывало, что это не совсем так, но что же это тогда? Одно усилие мысли, и он уже рядом, можно разглядеть, даже коснуться. Интересно, на сколько миллионов световых лет он стал ближе, благодаря лишь одному движению мысли? Было видно, что там, внутри, происходит какое-то движение, вернее все, что он видел, двигалось. Восьмерка, вблизи, вовсе не была ею, она напоминала некое подобие спирали. Но где же начало или конец этой спирали? В ответ появилось другое видение. Алешу, словно отбросило так далеко, что понять это обычным умом было нельзя. Но только отсюда он мог видеть, что та спираль является лишь сегментом еще большей спирали, а та, в свою очередь, еще, и так до бесконечности. Вот теперь стало ясно, что же такое, на самом

деле, этот знак бесконечности. Но неужели он смотрит на все это со стороны? Нет, кругом все одинаково, спирали, спирали... А что же в промежутках, пустота, поля под «паром»? А нет никаких промежутков! То, что, на первый взгляд казалось пустотой, на самом деле, тоже являлось изгибами чего-то, только чего? Понять он не мог. Движение внутри спирали было хаотичным, но, тем не менее, все, как говорится, плыло в одну сторону. Поняв, что конца этому не будет, Алеша попытался мыслить в обратном направлении. В этом мире, где все передвижения происходят со скоростью мысли, которое и понятию-то «скорость» не соответствовало, можно было почувствовать себя богом. Появилась мысль, что в этом чем-то и ничем одновременно, понятие бога неуместно, глупо и очень узко. Он просто не нужен, вернее абсолютно бесполезен. Вселенная живет по своим законам, а вернее нет в ней никаких законов.

Но нужно идти в глубь, к меньшему. Усилие мысли, и началось что-то невероятное! Полет, образы, спирали, они все меньше, и чем меньше они становились, тем больше появлялось образов, тем чаще они сменяли друг друга. Перед его взором проплывали картины миров абсолютно неведомых. Это было фантастически красиво. «Только бы не забыть, — думал он, — только бы не забыть».

Движение стало еще быстрее, казалось, будто он вошел в штопор, спирали становились все меньше. «Но что же я, все ношусь и ношусь? — подумал Леха, — а где же мой мир, моя Вселенная?»

В ответ его понесло по ответвлению одной из бесконечных спиралей, все быстрее, быстрее. Вот уже замелькали привычные мириады звезд и, наконец, взору его предстала, знакомая до слез, голубая планета. «Стоп, а теперь, малый назад! — скомандовал Леха, — и опять, как в штопоре его понесло к началу, только не мироздания, а к своему, земному началу. Здесь начало уже было, его можно и нужно было увидеть. Но то, что он увидел, было нелогично, с точки зрения современной науки. Это происходило совсем не так, как принято считать. Он не мог объяснить увиденное словами, это нужно было просто понять. Теперь он знал все, вернее, почти все.

«Теперь, вперед! Только медленно, очень медленно, разгадка близка». Но «Интернет» не слушался, скорость была бешеной. Леха понял, что в том нет вины «Интернета», просто здесь уже появились пространство и время. И вдруг, темнота, полная, непроглядная. «Опять все сначала», — подумал Алексей. Он почувствовал, что движение прекратилось. Он завис на месте, в абсолютной темноте. Стало светлеть, Леха с удивлением увидел, что перед ним опять Земля, но совсем близко. Обычный пейзаж, какой-то луг, или поле. На траве лежит абсолютно голый человек. Он лежит, раскинув руки, и смотрит в небо. Потом началась гроза, потом человек бежал к реке, потом обратно, он смеялся и плакал, он задавал вопросы себе и, на не которые, сам же и отвечал, а на остальные ответа не находил. Леха вдруг понял то, чего человечество не понимает и, наверное, никогда не сможет понять. Он понял, что на вопрос: «Зачем?», — ответа нет.

Он понял, что на каком-то, ничтожно малом, плане Вселенной, вдруг, в результате бесконечного множества превращений, появился мир ощущений, что-то материализовалось, стало осязаемым и логичным. Но суть в том, что с помощью этой примитивной логики, понять истину невозможно.

Алеша не знал, что же делать дальше. Куда ему деваться. Он вспомнил все происшедшее с ним раньше. Стало грустно. Захотелось домой. «Лучше бы мне ничего не знать», — невольно подумал он.

Снова появилось ощущение полета в полной темноте. Леха все летел и летел. Ему было все равно. Впереди появилась узкая полоска яркого света и, вскоре, все пространство озарилось ослепительными лучами восходящего светила. Гигантский огненный шар летел навстречу. Леха зажмурился бы, но не мог. Сближение происходило стремительно. Вот уже впереди не видно ничего, кроме ослепительного света, еще ближе, видны всплески гигантских протуберанцев. Океан клокочущей лавы вот-вот поглотит и испепелит, то, что осталось от существа, называемого Алексеем. Хотелось закричать, остановиться, но все напрасно. Стало жарко, невероятно жарко, появились чувства. Казалось, каждая клеточка его организма сейчас взорвется от этого нестерпимого жара. Но изменить уже ничего нельзя, он беспомощно падал в бескрайнее море огня.

Никогда раньше он не чувствовал себя так хорошо. Тело наполнилось энергией, дававшей чувство полной уверенности, невероятной силы. Это было каким-то озарением. Сознание было ясным и просветленным. Взгляд его упал на свое тело. Увиденное поразило его. От ссадин, синяков и прочего не осталось и следа. Кожа стала гладкой и, казалось, светилась изнутри. Понимание происшедшего с ним, величественно влияло в ошеломленный разум. Сначала образы появлялись хаотично и, лишь благодаря усилию воли, картина восстановилась полностью. Все его существо было полно добротой и любовью, и еще величайшей силой, которая, данная однажды, уже никогда не уйдет. Но прошло еще довольно много времени, прежде чем Ной научился жить своей новой жизнью. Сначала, ушли на задний план животные потребности. Отходя от своего животного «Я», Ной все больше учился управлять своим разумом, своей новой, огромной силой. Поняв механизм преобразования в материю, он научился делать обратное. Теперь для перехода из одного состояния в другое, ему достаточно было лишь пожелать этого. Справившись с этой задачей, он сразу же начал трудиться над разрешением новой. Великое знание сути всего, позволяло ему пользоваться своими безграничными возможностями во имя творения и созидания. Зная все, или почти все, он неустанно учился уметь все. Со временем и это было достигнуто. Ной стал совершенным, он не только знал, он умел, он мог. Стихии стали подвластны ему. Бесконечный космос, казался ему игрушкой. Вселенная открывала ему свои тайны без сопротивления, питая его безграничной своей энергией. Но, почему-то, Ной всегда возвращался к своему земному существованию. Чувство, которого объяснить себе он не мог, заставляло его вновь и вновь опускаться на землю. В задумчивости бродил он по, пугавшим его когда-то, лесам. Он видел реки, озера, океан. Ни один, виденный из миров, не казался ему таким величественным и прекрасным. Красота была сотворена не им, а кем-то другим, или чем-то. Ной понимал, что специально никто и ничто ничего не создавал. Он часто приходил к воронке, на дне которой, неизменно серебрилась холодная гладь. Теперь он знал, что это не вода и не жидкость вообще. Субстанция, неведомо откуда попавшая на землю, заключала в себе невероятную силу, абсолютно, впрочем, бесполезную в этой воронке. Вечно неизменная по своему составу, обладающая энергией, сравнимой со всей энергией Вселенной, она, тем не менее, была пассивной и, вот уже несколько сотен лет, мирно покоилась на дне кратера. Ной иногда пользовался этим веществом, но, со временем понял, что это ему уже не нужно. Однажды получив толчок, он двигался дальше в своем развитии сам. Тысячи земных лет прошли с тех пор. Всемогущий властелин Вселенной, Ной, тем не менее, продолжал любить землю, сыновней любовью, хотя и не знал матери.

Не переставая совершенствоваться, он стал все чаще задумываться над тем, что он, обладающий такой силой и знанием, мог бы сам создать что-либо. Он принялся за работу. Она оказалась столь же интересной, сколь и тяжелой. Пока еще толком не зная, что же он хочет создать, но, продолжая творить, Ной не замечал несущихся мимо тысячелетий, десятков и сотен тысяч лет. Результаты были, но утешения они приносили мало. Почему-то, все, что ему удавалось создать, не было способно к существованию и погибало, едва увидев свет. Ной не мог понять, в чем же причина. Он вновь и вновь обращался к своему знанию. Он все делал правильно, а результата не было. Связи рвались, не успев окрепнуть, цепочки не складывались. Он опять обращался к источнику знания, доходил до самых его истоков,

начинал все заново, но снова терпел неудачу. Думал, опять творил, и — неудача. В чем же причина?

Ответ явился из ниоткуда, на удивление быстро. Нельзя искусственно собрать все необходимые события в одном месте, искажая их естественный ход, изменяя во времени. Мысль, что творение есть, прежде всего, осознание происходящего, как единого, цельного и неделимого, а главное — неизменяемого процесса движения, направления, которому не может указать никто, все чаще посещала его. Необходимы были не сами взаимосвязанные цепочки событий, а условия, при которых эти события могли бы произойти. И тут Ной понял, что этого он не умеет. Он решил посмотреть на мир с иной точки зрения и обратился, прежде всего, к щедрому источнику знания — Космосу. Знания были получены, а с ними и понимание того, что истинное могущество лежит в несколько другой плоскости. Теперь он знал, что все получится, и взялся за дело с удвоенной силой.

Сергей проснулся от холода. Уже совсем рассвело. Вся его одежда была покрыта утренней росой. Спина затекла и ныла. Спихватившись, он посмотрел в сторону куста, за которым ночью прятался Алексей — там было пусто.

«Если бы все было нормально, то Леха бы разбудил меня, — рассуждал Сергей, — значит, не все было нормально. А я, как последний идиот, заснул! — корил себя Сережа, — я предатель, сволочь последняя, трус несчастный! Лехе, может быть, нужна была моя помощь, он может..., да его, может, уже в живых нет!» Вскочив на ноги и, преодолевая боль во всем затекшем за ночь теле, Сергей подбежал к кусту. На примятой траве лежали часы брата, почему-то, с застегнутым браслетом. Сережа наклонился и поднял их. На электронном табло мигали цифры: 03.15. Сергей нажал кнопку сброса, но изменений не произошло. Тогда он начал нажимать на все имеющиеся кнопки, то вместе, то по отдельности, но часы не реагировали ни на что и упрямо показывали то же самое. В душе что-то зануло от недоброго предчувствия, комок подкатил к горлу. Сережа, не в силах справиться со своими эмоциями, заплакал, причитая при этом: «Братик мой миленький, на кого ж ты меня оставил? Я же не хотел, я же не специально! Что же я теперь родителям скажу? Не уберег, не углядел! Что же мне теперь делать?»

Причитая и плача, Сергей неровной походкой направился к дому бабки Стефы. Старушка бодро гремела посудой на кухне, ничего не подозревая. Увидев Сергея, она охнула и присела на табурет.

— Ой, божечки! Сыночек, да что же с тобой сделалось?

— Беда, бабуля, беда! — ревел Серегей, — с этим вашим колодцем...

— Свят, свят! — перекрестидась бабуся, — да ты, никак, ночью к колодцу ходил?

— Ой, бяда, ой бяда, — начала подвывать и она.

— Леха, брат, пропал! — выл во весь голос Сергей.

Бабка перестала подвывать и уставилась недоуменно на Серегея.

— Да, як же ен пропал, ен же спит. Я еще ранком заглянула, тебя няма, а ен сабе спит.

Ты пойдн погляди.

Сергей рванулся в комнату. На кровати мирно спал Леха.

— Ну, гад! Я тут места себе не нахожу, а он даже не разбудил меня. А вдруг я простужусь, а вдруг меня радикулит хватит? А вдруг я атипичную пневмонию подхвачу и умру во цвете, так сказать, своих молодых лет. Ну, ты гад, Леха! — взревел Сергей и бросился на брата. Оседлав его верхам на кровати, Сергей схватил Леху за плечи, желая, видимо, для начала, встряхнуть его как следует, а уж потом серьезно, по-мужски, разобраться и призвать к ответу. Но вдруг, Сергей почувствовал, что тело брата холодно как лед. Оно показалось ему давно не живым, твердым и не податливым. Дыхания не было. Сергей сорвал одеяло и прижался ухом к груди брата, попутно заметив, что тот полностью одет и даже обут. Из груди Алексея не доносилось ни звука. Сергея начала бить мелкая дрожь. Потеряв полностью ощущение реальности, убитый своим горем, он начал выкрикивать что-то нечленораздельное. Вновь схватил брата за плечи и стал, изо всех сил, трясти его, потом начал хлестать его по щекам, обливая горячими слезами. Бабка Стефа упала на колени перед образами и неистово молилась, прерывая свою молитву рыданиями.

Леха открыл глаза и, тут же, все запрыгало, заплясало вокруг. Он увидел перед собой

зареванное лицо брата с обезумевшими глазами, который зачем-то, изо всех сил, тряс его и лупил такие пощечины, от которых, казалось, вот-вот вылетят глаза.

— Я тебе что, груша боксерская? — справедливо возмутился Алексей, — все лицо мне избил и соплями измазал!

— Сергей на мгновение остановился, не осознав до конца сути происходящего, а поняв, наконец, взревел пуще прежнего, но с оптимизмом: — Лешка, брат, живой, сволочь!

Затем Сергей заключил его в свои объятия, чем, еще раз, чуть не нанес ему травму.

— Да перестань ты жмакать меня! — возмутился Алексей, — дай хоть в себя прийти.

Сергей отпустил брата и затараторил: — А я уж подумал, все, кранты, ты ластики склеил, а меня одного, сиротинушку, бросил. А ты, родненький, живой оказался. Да что ж с тобой стряслось, братишка, что вообще стряслось этой ночью? — закончил вопросом свою тираду Сережа.

— Стряслось, ой стряслось! — начал Леха, — такое стряслось, что не в сказке сказать, ни пером, как говорится... вот.

— Так рассказывай, не томи, — потребовал Сергей.

Леха пытался вспомнить все, что с ним произошло, но, как ни старался, ничего вспомнить так и не смог.

— Что-то со мной, было, — морщился он, — но что, не помню. Знаю одно — то, что со мной произошло, это настолько важно, насколько вообще может быть что-то важно на этой земле.

— Ладно тебе, — Сергей еще не отошел от радости, и даже счастья, — вспомнишь, может, потом. Так часто бывает. Потеряешь сознание и все, провал, а потом, бывает, вспоминается.

— Да я его, сознание, как бы и не терял, — задумался Леха, — такое ощущение, что я где-то побывал, что со мной произошло что-то очень важное, но где был, и что произошло, хоть убей, не вспомню. Но факт остается фактом — там я видел нечто, что в рамки обычного понимания не вписывается.

— Да ладно тебе! — опять повторил Сергей, — подумаешь, крутизна какая, не вписывается у него. А у меня так вписалось, что чуть не описалось, — сморозил он каламбур.

Бабка Стефа, молившаяся изначально, видимо, за упокой, увидев такой поворот событий, стала молиться теперь за здоровье. Она, стоя на коленях, неистово крестилась, что-то бормоча, и била поклоны.

— Бабуля! — обратились к ней братья в один голос, — а не поведаете ли вы уважаемому собранию, — продолжал Леха, — что это у вас тут, по ночам, делается? Что это у вас тут за дяденька, глазастый такой, каждую ночь за водой ходит, да на честных людей, так нехорошо, зыркает?

Ой, хлопчики, беда! — запричитала старушка, — у нас на веске, зауседы, ночью никто из хат не выходил. Так повелось с незапамятных времен. Люди казали, что той Николай, каждую ночь, по воду ходит. А кто яму встретится на пути, той сразу и помре. А кто на ночь дверь в хату замкне, то Николай обидится и хату испепелит, и всех в ней погубит.

— А зимой что, тоже двери настезь? — спросил Сергей.

— Не, зачиняем, али не запираем.

— Так значит, этот самый Николай жив! — сделал заключение Леха, — а где он обитает, бабуля, адресок, случайно, не подскажете?

— Про тое, хлопцы, я не ведаю, а только люди говорили, что он днем где-то, как бы, летает, а ночью, вон, ходит. И как это ты, Алеша, живым остался, никак не зразумею. Не повинен был застаться.

— Тут, видимо, есть какая-то взаимосвязь, между тем, что я пил из того колодца и тем, что со мной потом произошло.

— Ой, беда, беда! — вновь запричитала бабуля, — сколько тут людей жило, али, никто из того колодезя воды николи не пил.

— А я, вот, выпил, и ничего, — гордо произнес Алексей.

— Да, мы с братом такие, — поддержал его Сергей, — нам даже море бывает по колено, ну не в том, конечно, смысле.

— Ты бы помолчал, — Леха встал с кровати, потягиваясь, — профукал ночью брата. Ведь это ж надо, на посту заснул! За сон на службе знаешь, что бывает?

— Да ладно тебе, Леха, — виновато оправдывался Сергей, — сам не знаю, как это вышло. Словно кто-то тумблер выключил, щелк — и все, полный аут, отключка, мне даже сны не снились.

— Ну, вы видели этого орла? Сны ему не снились. Надо было еще этого Николая попросить, чтобы он тебе колыбельную песенку спел, типа: «Спи, вурдалачек, усни, фары свои погаси...» — издевался Леха, на мотив известной колыбельной.

— Братик, ну прости, ну прости, плиз, плиз, плиз! — вновь затараторил Сергей, — я уж по тебе так убивался, так плакал, и злился на тебя, и смеялся, и каких только чувств к тебе не испытывал. А все из-за горячей братской любви.

— Ладно, джуниор, стихни, проехали, — отмахнулся Алеша.

— Бабушка, а что это за знак бесконечности, вы не слыхали, часом? — обратился Алексей к бабке Стефе.

— Не, не чула, не ведаю, а скуль ты то взял?

— Да так, ниоткуда, просто спросил.

Ой, божечки, да что ж это я? — встрепенулась бабуся, — вы, чай, голодные, зараз я поесть зрблю, — и умчалась на кухню.

— Да, проглотить чего-нибудь бы не мешало, — сглотнув слюну, мечтательно подтвердил Сережа.

Алексей прервал его мечтания: — Надо как-то эту историю до конца доводить. Уж больно все это интересно. Мне просто не терпится все проверить. Есть ряд совершенно конкретных вопросов, на которые хотелось бы получить исчерпывающие ответы.

— Ну, и какие же это вопросы? — поинтересовался Сергей.

— А вопросы такие: — первый — кто такой этот дядька страшный?; — второй — что это за колодец странный и что в нем за водица такая интересная?; — третий — что это за книга, о чем в ней написано и, в конце концов, что это за карта, или схема, или план, и какая между всем этим может быть взаимосвязь? Ну и самый главный вопрос — что мы в итоге за это получим?

— Десять лет расстрела, вечные адские муки и большой, пламенный привет от родителей, а особенно от папы. Выбирай, что тебе больше по душе, — иронизировал Сергей.

— Уж лучше расстрел или муки, — вздохнул Алексей.

— Ну да ладно, это подождет, это не срочно. Нам нужен толковый план действий. Думаю, нам нужно разделиться. Вернее, сначала объединиться, а уж потом разделиться, а потом опять объединиться.

— Я в восхищении! Ваш план просто гениален! — Сергей принял картинную позу, — он настолько гениален, что я сразу и не понял, что это вообще план. И сколько раз на дню мы будем объединяться и разъединяться, позвольте спросить? И что нам это даст, каким образом приблизит к разгадке этой страшной тайны?

— Что за привычка перебивать, не дослушав до конца! — Возмутился Алексей.

— Сначала, сопрем книгу из музея. Потом соберем все вещдоки, и я с ними смотаюсь в Минск, попытаюсь все это научно обосновать. Ты останешься здесь и будешь обозначать присутствие здравого смысла в этой, погрязшей в суевериях, глуши.

— Да как же я тут останусь? — Заволновался Сергей, — а вдруг этот дядька глазастый меня по ночам донимать начнет? А вдруг он меня заставит коромысло ему таскать и похлебку из человечины варить? Он, может, упырь какой, кровосос, извращенец! А вдруг бабка с ним за одно? Я ж с ума сойду!

— Да, не боец, не боец, — укорил его Леха, — с таким в разведку не пойдешь. С таким даже провиант для войск добывать страшно. Бабка, та всю жизнь тут прожила, и ничего. Носится себе по дому, как угорелая. Сколько ей лет интересно? Я бы и то замучился. А он, каратист-айкидист, предрассудков испугался. Кому ты нужен?

— Ладно, ладно, — отмахнулся Сергей, — подумаешь, порассуждал слегка. Хорошо, останусь, обозначу присутствие здравого смысла.

— Тогда определяемся так, — Леха стал сосредоточенным, — выйдем сегодня, как только стемнеет. До деревни километров пять будет. Час туда, час обратно, ну и там час, полтора. Музей ночью никто не охраняет, думаю, все пройдет как по маслу. Замок там хиленький, окна без решеток, сигнализации нет. Бывает, что и форточки на ночь не закрывают, проветривают. Вернемся и спать, чтобы алиби было. Это ведь статья, друг мой, кража со взломом.

— Слушай, — мотнул головой Сергей, — а нельзя ли нам туда днем зайти, под видом посетителей? Потихоньку книжку бы и подтырили.

— Оно, конечно, можно и днем, только какие там сейчас посетители? Уборочная, сам понимаешь. Заметут нас, как пить дать заметут. Даже если нам удастся незаметно книгу стянуть, потом-то пропажа все равно обнаружится. И вот тогда вся деревня наш словесный портрет участковому составлять поможет. У нас под ногами будет гореть земля. Попадем в розыск и все, конец богатству и славе.

— Слушай, Леха! А может, ну их всех в баню, а? Поедем домой, отдохнем, оттянемся. Пусть эти упыри, да лешие сами разбираются.

— Да ты что!?! — Набросился Алексей на брата, — да как у тебя язык повернулся? Мы, может быть, на пороге важного открытия стоим. Нам, может быть, Нобелевскую премию за это дадут!

— Нобелевскую премию ему дадут, — ворчал себе под нос Сережа, — смотри, чтобы тебе звание героя не присвоили, посмертно.

— Нет, ты все-таки законченный пессимист, братан. Все у тебя в мрачном свете. Веселее, боец, дойдем до Берлина! Короче, сейчас обедаем (или завтракаем?), потом спим, потом идем на дело. С собой ничего не берем, только самое необходимое.

— Знаки различия, награды, документы сдать, идем в разведку! — Торжественно произнес Сергей.

— Ладно, разведчик сонный, иди уже обедать, — вставая, дружески потрепал брата по затылку Леха.

Цепочки взаимосвязанных событий растянулись на тысячи лет. Он терпеливо ждал. И, наконец, свершилось! Ной с благоговением смотрел на нечто. Это нечто было очень маленьким. Оно не было похоже ни на Ноя, ни на что бы то ни было другое. Но оно существовало, жило какой-то своей жизнью, порождало себе подобных. У него получилось!

Окрыленный успехом он, с удвоенной силой, взялся за дело. Терпение, главное — не торопить события, и ничего не создавать вопреки их течению. Он с трепетом, очень осторожно, лишь добавлял недостающие звенья. Прошли сотни тысяч лет и вновь удача! Когда Ной понял, что же у него получилось, ему стало страшно. Огромные уродливые существа наполнили землю и воды. Они умножались очень быстро. Не такого результата ожидал Ной, но поделаться уже ничего было нельзя. Нельзя вмешиваться в естественный ход событий — теперь это стало для него законом. Он знал себя, изучил себя. Создать себе подобного — вот венец мечтаний. Осуществление этой мечты стоило ему невероятных усилий и почти бесконечного времени. Он становился мудрее и понимал, что не он правит миром. Кроме него есть еще неведомая Великая Сила, безликая, вечная и страшная. Овладеть этой силой он не мог, пока не мог. Десятки тысяч лет прошли в неустанных трудах и поисках. Другая сила творила лучше. Он видел результаты ее трудов. Это было жестоко, но так было. Неразумные существа, уродливые и дикие, переполняли землю. Другая сила заставила их уничтожать друг друга и наступило равновесие. На земле снова стало можно жить.

Тысячелетия трудов не прошли бесследно. Ной чувствовал, что он, как никогда, близок к цели. Но подходящий момент не наступал. Он терпеливо ждал. Но вот однажды, он не поверил увиденному, свершилось! Широко раскинув руки, в траве лежал человек! Он лежал, и смотрел в небо. Ной узнал его. Это был сам Ной, только сотни тысяч лет назад. Великая радость охватила творящего. Наконец-то он видит результат своих трудов.

Но что же дальше? Ной уже знал. Нужно дать ему знание. И он дал ему знание, но не все, далеко не все. Человек мог просто не справиться с этим. Ной дал ему самое необходимое. Человек жил на земле. Ной, невидимый, всегда был с ним рядом, он любил этого человека, как отец, как создатель любит свое творение. Он оградил его от всех опасностей. Он поселил его в самом лучшем месте на земле, где человек никогда и ни в чем бы не нуждался. Но знания, всего знания, Ной дать ему не спешил. Он вдруг почувствовал, что Другая Сила, бессознательная, но более могущественная, стоит на пороге какого-то творения. Что же это будет, или кто? Снова безобразное существо? Ной недооценил гениальность Другой Силы. То, что увидел Ной, было лучше, совершенней, хотя внешне очень похоже на его творение. Человек внешне был несколько другим, казался более беззащитным, но и более красивым. Ной дал знание и этому человеку, ровно столько, сколько своему. Другая Сила не противилась. Ной знал, что сила эта неразумна, и дать ничего не может. Все знания человек приобретал бы тысячи лет.

На земле встретились два человека, одинаковые и такие разные одновременно. Схожие внешне, но начала в них заложены были разные. Только спустя некоторое время Ной понял почему, а вернее, зачем нужна эта разница. Гениальность Другой Силы заключалась в том, что она не дала возможности одному человеку жить вечно на земле, а продолжать свое существование, воплощаясь в своих потомках. Она дала возможность человеку порождать

себе подобных. В чем же гениальность? Да в том, что творить больше не нужно, человеческая природа сама сделает свое дело. Ной возрадовался такой мудрости.

Человек жил и размножался. Он свято передавал, из поколения в поколение, полученные неизвестно откуда знания. Чем дольше род людской жил на земле, тем больше Ной убеждался в том, что всего знания человеку он дать не сможет никогда, рискуя погубить его этим знанием. И еще Ной понял, что сотворенный им человек далеко не совершенен. Внешне человек был похож на Ноя, но разум его был иным. Что-то, на каком-то этапе творения, пошло не так. Что-то изменило структуру человеческого разума, отгородив глухой стеной одно «Я» от другого. Разум человека вместил в себя многое из того, что Ноем никогда не было присуще. В нем было что-то от тех безобразных существ, сотворенных Ноем раньше и от которых он так трепетно оберегал свое творение. Мог ли Ной творить еще? Да мог. Хотел ли он творить? Да хотел. Он, все же, хотел сотворить подобного себе. Но, в конце концов, понял, что уже сотворил, и другого не дано. Нельзя изменить хода событий по своему усмотрению. Ной постигал мудрость Другой Силы и все больше убеждался в этом. В дальнейшем человек должен будет постигать все сам, передавая новым поколениям бесценное знание, неустанно совершенствуясь. Ной, запасшись терпением, стал ждать, наблюдая за каждым шагом человека, лишь изредка добавляя едва заметные звенья в естественный ход событий. Но постижение Другой Силы занимало Ноя все больше и больше. Он понял, насколько мизерно его знание по сравнению с тем, что вмещала в себя эта неведомая сила. Постигнет ли он ее до конца? Возможно ли постичь бесконечное? На этот вопрос ответа не было.

Не забывал Ной и про человека. С недоумением он наблюдал как страсти, непонятные ему, губят человечество. Сам он никогда ничего подобного не испытывал. Другая сила, бесстрастная, по определению, уравнивает чувства человеческие так, чтобы не было ничего чересчур, абсолютно бессознательно создает условия для развития событий, уравнивая шансы возможного и невозможного. Являясь частью этой силы и будучи так же подвластен ей, Ной не мог и не хотел бороться с ней. Он хорошо понимал, что лишь познав эту силу можно стать ей самой. Но до этого ему ой как далеко.

Человек нашел воронку!! Помешать ему Ной не мог. Это был не тот человек, которого создал Ной, и не тот, созданный другой силой. Это был другой человек. Человек сделал то же самое, что и Ной когда-то. Что же будет дальше? Ной терялся в догадках. Ничего не поняв человек вернулся в свое жилище и, наконец, уснул. И вот свершилось! Душа его неслась во тьме, наполненная суеверным ужасом незнания. Все пошло не так. Ной не мог вмешиваться. Человек не смог понять увиденного. Мысль его бешено металась и билась в конвульсиях, а за ней неотступно неслась душа, объятая холодным, липким ужасом. Тело человека извивалось в страшных судорогах. Конец его был печальным. Он не справился, не понял того, что увидел и узнал, человек погиб. Слишком рано!

Проходили тысячелетия. Другие люди приходили к воронке, результат был неизменным. Было еще слишком рано.

Страх перед непонятным заставил племя человеческое навсегда скрыть от глаз то, что было явным. Они вырубали огромные каменные глыбы, с невероятным трудом тащили их к озерцу и закрыли воронку гигантской каменной крышей. Лишь на самом верху величественной пирамиды был воздвигнут храм, из которого глубоко во чрево каменного гиганта вел потайной ход. Этим путем можно было попасть к озерцу, но зачем? Даже Ноем это было непонятно. Видимо что-то уже тогда подсказывало человечеству, что смысл будет

найден, что там кроется величайшая истина и истоки, постичь которые, вероятно, смогут далекие потомки. А пока люди возносили молитвы кому-то неведомому, приносили ему жертвы. Ной был в недоумении. Что это, зачем? Позже он понял, что человек постигает Другую Силу! Он даже не пытается постичь его, Ноя. Да и зачем, ведь он и есть сам Ной Пусть несколько другой, не развитый, не знающий, но это он. Что же может постичь человек в Ное, кроме несовершенного знания. Другая Сила завораживает разум человеческий своей необъятной мудростью, своей бессознательной бескрайностью. Он чувствует это подсознательно, ведь есть у человека то, что уравнивает шансы. Пока не умеет он пользоваться этим. Но он сумеет, он сможет.

Ной видел перед собой огромную пирамиду с храмом на вершине ее. Отверстие в полу храма, шахта, ведущая глубоко вниз, во чрево каменного исполина, где вечно будет мерцать гладь озерца. Озерца, наполненного материей, созданной Вселенной и таящей в себе невероятную силу и знание.

Человек, тот самый, первый, созданный, а не рожденный, избранный уже не им, Ноем, а людьми, каждый день спускается к озерцу. Он возжигает священный огонь на берегу и часами сидит недвижим. Иногда Ною казалось, что этот человек, сквозь паутину невежества и суеверия, пробивается к нему. Он чувствует его пытливую мысль, он может общаться с его душой, но имеет ли он право на это? Ной не знал, и молчал.

Другая Сила указала путь человеку, помимо желания Ноя.

Что он делает?! Стой, нельзя, погибнешь! Но человек уже пьет священную жидкость из озерца. Что же будет?

Они, наконец, встретились. Человек не боялся, он благоговел перед Ноем. Человек предполагал, что именно Ной и есть высшее существо, совершенное и вечное, «Альфа» и «Омега» мироздания. Что мог ему ответить на это Ной? Да, он создал человека, да и создал ли? Как объяснить человеку, что не лепил он его из глины и не вдыхал в него, в одночасье, душу и жизненную силу. Ной просто показал ему цепочки мироздания, сплетенные в тугие спирали, выющиеся в бесконечности. Указал на точку отсчета, от которой и началось творение. Он показал ему все, что знал сам, но не более того. Человек не мог познать Другой Силы, Ной не познал ее. Мог ли он дать человеку, не зная, что дает? Да человеку и этого было с лишком. Он знал, но что ему было проку от этого знания. Нужны десятки, а может, сотни тысяч лет, чтобы, хоть немного, научиться пользоваться этими знаниями. И человек учился. Они теперь общались часто. Ною нравилось это. Никогда раньше он не говорил с человеком. Радовало и то, что это было его, Ноя, творение, его первый и единственный сотворенный. Человек был пытлив, старателен, трудолюбив, но... о боги, он был смертен! Он быстро постигал знания, накопленные Ноем, но путь его был еще очень долог. Другая Сила никому не позволяла существовать вечно, и он торопился, этот человек. Он уже знал, что не успеет постигнуть всего, что надо передавать свое сокровенное знание другим, способным понять, но кому? Он искал, учился и искал. Ной не мог помочь ему искать, но он учил человека. Тот, в свою очередь, с благодарностью впитывал в себя знания, воздвигая абсолютно бесполезные храмы по всей земле. Но таков человек, с этим ничего не поделаешь. Благодарности никакой не требовалось. Ной снисходительно относился к этим знакам благодарности и внимания. А человек нес свое знание через сотни и тысячи лет. Конец его был уже близок. Он нашел тех, кому можно было передать знания, кто был способен понять. Это были не те люди, Ной знал это, но ничем не мог помочь. Человек старался, он пытался передать свои знания. Немногого он достиг. Каждый его ученик, выпив из озерца,

неминуемо погибал. Так человек остался без своих учеников. Он похоронил их в высоких башнях, воздвигнутых вблизи пирамиды. Он взял их кожу, обработал специальным составом, который сам приготовил. Кровью своих учеников, смешанной с жидкостью из озерца, он писал книгу для новых учеников, боясь не успеть, не дожить. Может быть, после его смерти, найдется достойный, который не умрет и познает то, чего он не успел. Ной с сожалением наблюдал за человеком, не в силах помочь.

Пролетали тысячелетия, менялось лицо земли, менялись люди, живущие на ней. Человек так и не смог никому передать свое тайное знание. Написанная книга лежала на алтаре, на берегу озерца невостребованной.

Вселенский катаклизм, до неузнаваемости, изменил землю. Исчезли безобразные существа, населявшие ее, исчезли люди, потомки созданных Ноем, но не все. Род человеческий погибал и вновь возрождался. Но связь была утеряна. Они молились отголоскам чего-то, постигали то, чего на самом деле не существовало. Уничтожали друг друга за веру в то, во что верить было бессмысленно. И лишь он, единственный созданный, еще жил, еще надеялся, постигал непостижимое. Он жил, благодаря своему знанию и, уже небольшому, умению. Катаклизмы не тронули его. Он умел, подобно Ною, изменять свое состояние и тем самым спасал тело, являясь вновь на землю, когда она становилась пригодной для существования. Люди считали его богом, он считал богом Ноя, а Ной вообще не понимал, зачем все это нужно. Он знал, что главное — труд познания, постижения и нет иного бога, кроме истины. Истина объективна, бесстрастна, она не требует поклонения и не изменяется при любых попытках воздействовать на нее, она существует в вечности хранительницей абсолютного знания. Познать ее, значит стать самой истиной, ставши истиной, познаешь Другую Силу, познав ее, станешь этой силой. Но нужно ли это человечеству? Сотворенный, способен ли познать творца своего? Ответ на эти вопросы лежит в далеком будущем, которого никакая сила предсказать не может, выстраивая логические цепочки событий, не зная, произойдут ли они. Возможно, даже она никогда не станет совершенной, ибо не стремится к этому.

Прошло еще много времени. Гигантский разлом земной коры поглотил в своих недрах огромную пирамиду и уже никто на земле не мог сказать, зачем это было воздвигнуто. Но он знал! Он — единственный, погибающий посвященный, обремененный великим знанием человек, знанием, которого он не мог передать никому из живущих. Храм, ушедшей под землю пирамиды, еще долго возвышался над поверхностью земли, но со временем и он разрушился, и уже ничто не напоминало о событиях глубокой древности. На поверхности остался лишь спуск в шахту — колодец, символ ускользающего от потомков знания. Считая его обычным колодцем, люди соорудили приспособление для подъема воды, но трагические последствия употребления этой жидкости в пищу, навсегда отучили людей использовать колодец по прямому назначению. Древняя легенда об этом колодце передавалась из уст в уста, изменялась, по прихоти рассказчиков, и, в конце концов, лишилась всякого смысла, став сказкой для детей. Изможденный старец пытался вычерпать озерцо на дне колодца, дабы и следа на земле не осталось. Нельзя было сейчас позволить людям использовать эту жидкость, ибо во зло бы использовали ее. Очень близки стали они к разгадке, но не этого ожидал он от них. Они не готовы познать истину. Время убивает его, осталось совсем немного. Каждую ночь он приходит к колодцу и уносит на своих немощных плечах величайшую силу, сокровенное знание и распыляет это усилием воли во Вселенную, но не успеть ему.

Кто же ты, юноша, так дерзко и неосознанно прикоснувшийся к этой страшной тайне!? Как ты остался жив? Старец воспрял духом. Ной смотрел в прошлое, пытаясь отыскать взаимосвязь там. И он нашел ее! Это — Другая Сила творящая! Это она неспеша создавала цепочки. Условия складывались сотни тысяч лет и, в конце концов, привели к тому, что случилось. Он есть, живой и понимающий! Он — настоящий и обреченный. Он будет жить, он поймет то, чего не понял человек, чего не понял Ной, ибо Другая Сила ведет его к Истине. Пришло время, наконец, пришло! Но он не готов, пока не готов. Еще немного ему нужно времени. Он поймет, разберется. Он тот, кто понесет этот тяжелый крест дальше, и может быть, найдет того, кто этот крест примет из его слабеющих рук. Да, именно крест! Пересечение двух прямых есть точка, точка отсчета. Именно там и есть исток, начало чего-то, чего никто и никогда не поймет. Но и конец чего-то тоже есть точка, которую ставить еще рано.

Луна пошла на убыль. Они шли той же дорогой, которой совсем недавно пришли на этот загадочный хутор. Было уже не так светло, как раньше, но еще вполне можно было разглядеть окружающую местность. Лес сменился редколесьем, местность вокруг была сильно заболоченной и лишь одна, неизвестно кем и когда насыпанная дорога, возвышалась над унылой равниной. Кое-где появились небольшие клочья тумана. Из болота торчали коряги, в мертвенно бледном лунном свете они казались щупальцами какого-то ужасного спрута. От воды веяло могильным холодом и гнилью. Под ногами ребят оглушительно хрустел гравий и от этого им, почему-то, становилось не по себе. Хотелось ступать как можно тише, что бы, ни дай бог, их не слышали. Болото жило своей обычной ночной жизнью. Где-то противно тьякала енотовидная собака, резко выстрелила ломающаяся коряга, затем послышались громкие всплески под копытами какого-то крупного животного, видимо лося. Кричала какая-то ночная птица. Все эти звуки звучали как какая-то неясная угроза, и опасность, казалось, затаилась рядом.

— Леха, давай быстрее, — почему-то шепотом торопил брата Сережа, — уж очень мне тут не по себе. Такое чувство, будто кто-то невидимый неотступно следит за нами. Того и гляди, какой-нибудь леший выскочит из болота. Коряги как живые, вот-вот зашевелиятся и нас с тобой в трясины утянут. Мне все время этот Николай с коромыслом за спиной мерещится, страх в спину толкает, просто бежать хочется.

— Ага, а вдоль дороги мертвые с косами стоят, и тишина, — шутил не к месту Леха. А еще помнишь, у Гоголя: «Один крест зашатался, другой крест зашатался... душно мне, душно...»

— Да иди ты со своей классикой, итак страшно, аж жуть. Сдается мне, что безумный Гоголь был не так уж и не прав на этот счет. Прошлая ночь тому свидетельство. Слушай! — Осенило Сергея, — а не проще было бы нам этого Николая еще раз подкараулить и, как говорится, потолковать с ним по душам. Не верю я в то, что он нечистый или как там еще их называют. Может, быстрее все прояснилось бы.

— Я считаю, — отвечал Леха, — что нам, прежде всего, необходимо, хотя бы, в общих чертах, знать с кем или с чем мы имеем дело. И имеем ли мы вообще дело с кем-то, кроме себя самих. Может, прошлой ночью нас просто видения посещали под воздействием какой-нибудь аномалии. Нужно, вооружившись научным знанием, действовать наверняка. А здесь без фактов не обойтись, голых фактов, понимаешь.

— Ой, ну я не могу, — взвился Сергей, — наш неисправимый романтик заговорил о научных фактах. Ой, ли?

— Тише, Сергей, подходим, — оборвал брата Алексей, — ты постоишь на шухере. Если что, условный знак — три зеленых свистка. А я в музей попытаюсь пробраться. Все понял?

— Понял, а где этот музей ихний, как бы нас не засекали раньше времени.

— Не бойсь, не засекут, — успокаивал Алексей, — поздно уже, спят все. Ночью по деревне никто не шатается, сам знаешь.

Ребята уже входили в деревню. Кругом было тихо. Ни в одном из домов не горел свет. Одинокий фонарь тускло освещал фасад сельского магазина. Собаки, видимо, тоже отдохавшие, не обращали на поздних визитеров никакого внимания.

— Ну вот, кажется, пришли, — чуть слышно прошептал Алексей, — действуем по

плану.

Сергей выбрал место, удобное для наблюдения, а Алексей принялся осматривать здание музея снаружи. Музей представлял собой обычный деревянный сельский дом.

Алексей подошел к входной двери, попробовал на прочность ржавый навесной замок, но срывать его, пока не спешил. Он двинулся вдоль стены, проверяя, не открыты ли окна. В одном из окон он обнаружил не закрытую форточку. Алексей легонько толкнул ее рукой, и она медленно отворилась внутрь. Он просунул руку и открыл окно. Уперев руки в подоконник, он легко проскользнул в помещение. Оказавшись внутри, он включил электрический фонарик, посветил в нужном направлении. Книга лежала на прежнем месте. Он взял ее, сунул за пазуху и, тем же путем, вернулся назад, предварительно закрыв окно. Алексей тихонько свистнул, через минуту к нему подошел Сережа.

— Все пучком, — деловито зашептал Алексей, — делаем ноги.

Никем не замеченные они миновали деревню и быстрым шагом направились на хутор. Дорога назад уже не казалась им такой долгой и страшной. Без приключений они добрались до хутора, не замеченными проскользнули в дом и, с чувством выполненного долга забравшись под одеяло, мгновенно уснули.

Проснулись они, как обычно, поздно, оделись, умылись и были приглашены бабкой Стефой к позднему завтраку, в народе почему-то называемым обедом. После обеда бабуля прилегла отдохнуть, а братья достали книгу и стали ее с интересом разглядывать.

— Первые страницы вырваны, — констатировал Сергей, — а тут что, что за буквы? Буквы не буквы, знаки не знаки, ничего не разберешь.

Полистав еще, Сергей разочарованно добавил — и картинок никаких нет. Бумага очень плотная, может пергамент?

— Может и пергамент, — Леха слюнул палец, перелистывая страницы.

— Ладно, чего гадать, поеду завтра в Минск, может чего и выясню. Надо еще воды набрать из этого чертова колодца, только так, что бы бабка Стефа ничего не заметила.

— Так давай сейчас и наберем, пока она спит, — предложил Сергей.

— Хорошо, — согласился Алексей, — только ты стой в дверях и следи, чтобы, если она проснется, знак своевременно подать. А я быстренько к колодцу сбегая, надо только банку какую-нибудь или бутылку с крышкой найти.

— Да ты в наш термос набери, — сообразил Сергей.

— Дело говоришь, — похвалил его Леха.

Он достал из рюкзака термос и пошел к колодцу. Сергей, тем временем, занял пост в дверях, зорко наблюдая за спящей бабулей.

Алексей, подойдя к колодцу, уже с некоторой опаской, снял с крюка ведро и, не берясь за рукоятку вала, опустил его в колодец. Вал стал свободно и быстро вращаться. На этот раз ведро опустилось гораздо быстрее. Как только вал прекратил свое вращение, Алексей двумя руками взялся за рукоятку и стал, как можно быстрее крутить ее, поднимая ведро вверх. На это ушло, как и раньше, довольно много времени. Алеша весь взмок, но работал ритмично и напряженно и, наконец, полное ведро показалось на поверхности. Он взял ведро и наполнил термос, а остатки жидкости вышлепнул обратно в колодец. Затем повесил ведро на крюк и... зачем-то перекрестился. Повернулся, посмотрел на Сергея, тот знаком показал, что все в порядке. Алексей бегом вернулся назад, на цыпочках прошел в комнату и, со вздохом облегчения, спрятал термос в рюкзак. Только теперь он почувствовал, как его руки просто выворачивает от холода. Он принялся усиленно растирать их.

— Так, — заговорил он, все еще потирая руки, — ну теперь у нас все, вроде, ладненько. В общем, действовать будем, как договорились. Я — с утра пораньше мотну в столицу, пробуду там, сколько необходимо, но постараюсь, конечно, побыстрее. Ты, Серега, на всякий случай, будь готов к тому, что я задержусь дня на три, а может и на неделю. Сам тут ничего не предпринимай. Прополи бабке огород что ли.

— Ну да! — Возмутился Сергей, — он там, в столицах, будет научной работой заниматься, а я тут огород поли. Шиш!

— Слушай, Сережа, — начал Алексей наставительно, — ну надо же нам свое присутствие здесь как-то окупать, ведь неудобно даже. Столько тут живем, на шее у бабуси сидим, а у нее пенсия-то наверно мизерная. Совесть должна быть или нет?

— Как мне оставаться, так он сразу и про совесть вспомнил. Чего ж раньше-то не вспоминал, благодетель?

— Раньше было раньше, а теперь обстоятельства изменились. Братик, ну сделай, я тебя умоляю, — изменил тон Алексей.

— Вот так бы и давно, — смягчился Сергей, — к людям надо быть мягше, а на вещи смотреть ширше. А то раскомандовался тут. Прополю я ей этот огород, будь он неладен, чай не в первой.

Проснувшись с утра пораньше, Леха собрал в сумку все необходимые вещи и, выслушав наставления Сергея, отправился в дорогу.

Путь был не близким и в Минск Алеша попал только к концу рабочего дня. Он заскочил к себе в общежитие, привел в порядок свой внешний вид, переоделся и приступил к исполнению намеченного плана.

Первым делом он решил найти свою знакомую, которая работала в институте криминалистики, в лаборатории по исследованию документов.

Леха был красивым молодым человеком и дефицита общения с противоположным полом не испытывал. Количество его романов, наверно, давно уже перевалило за сотню, если бы кто-нибудь их считал. Алексей не утруждал себя арифметическими подсчетами и не усложнял свою жизнь глубокими чувствами, резонно решив с этим, пока, не спешить, и погулять, как говорится, вдоволь и от души.

Младший научный сотрудник Лиза была одним из его прошлых любовных увлечений и, несмотря на легкомысленное отношение к ней Алешки, по-прежнему питала к нему нежные чувства, не особенно надеясь на взаимность. Она, так же, как и Алексей училась в институте, правда заочно, и готовилась стать химиком-технологом, ну а если повезет, то экспертом-криминалистом. Такие странные наклонности появились у нее довольно давно, по причине никому не понятной. В роду у Лизы не было никого, кто когда-нибудь, хотя бы косвенно, был связан с криминалистикой. Девочка могла часами засиживаться за книгами на эту тему, будь то художественная или специальная литература. Ее интересовало буквально все, что касалось каких-либо исследований в области экспертиз. Нужно отдать ей должное, в этом деле она серьезно преуспела. Видя это, вечно по уши занятые эксперты лаборатории, в нарушение всех правил, поручали ей проводить кое какие исследования, которые, конечно же, обязаны были проводить сами. Вечная спешка и нехватка времени вынуждала их идти на подобные нарушения. Но Лиза прекрасно справлялась с работой и иногда, в благодарность, получала шоколад или фрукты. Хотя она наверняка делала бы все даром. Будучи при этом довольно красивой девушкой, Лиза снискала любовь и уважение сотрудников лаборатории, да, пожалуй, и всего института.

Так в один из дней она, как обычно, задержалась в лаборатории после работы, проводя по просьбе одного из сотрудников, очередное исследование. Дело близилось к концу, настроение у Лизы было прекрасное, у нее, как всегда, все получалось. Она уже предвкушала, как завтра получит очередную благодарность от коллег, девушка очень любила, когда ее хвалили. Телефонный звонок раздался совершенно некстати. Лиза вздрогнула и со вздохом подошла к телефону.

— Алло, — произнесла она в трубку тоном, не предвещавшим ничего хорошего звонившему. Вдруг, выражение ее лица изменилось до наоборот. Лиза буквально сияла.

— Лешенька, миленький, привет! — Затараторила она, — вот уж не думала, что ты позвонишь. Ты ведь должен быть дома, на каникулах. Что? Срочное дело? А я подумала, что я тебя интересую, — сразу сникнув, сказала она.

— А, так я тоже? Что? Но дело, говоришь, важнее? Ты Лешенька как обычно, не церемонишься, что называется, не в бровь, а в глаз. Ладно, выкладывай, что там у тебя. Что? Встретиться? Ну конечно не занята. Для тебя я всегда свободна. А? Через сколько? Через полчаса? Ой, я так быстро не смогу. Через тридцать две минуты? Тоже не успею, у меня тут работа срочная, я ее как раз заканчиваю. Что? Сам приедешь? Через десять минут? Ладно приезжай, я тебя встречу внизу, у входа. Ну, пока. — Лиза положила трубку.

— Что ж это у него за дело такое, интересно? — Подумала она, направляясь к двери, чтобы спуститься вниз и встретить Алешу.

Леха с удовлетворением повесил трубку на рычаг телефона-автомата и помчался на автобусную остановку. В его сумке лежали заранее приготовленные книга и термос. Через пятнадцать минут он бодрым шагом поднимался по ступеням нового здания «НИИ проблем криминологии, криминалистики и судебной экспертизы».

Войдя в холл, он сразу увидел ожидавшую его Лизу. Та сразу бросилась к нему, нежно заглядывая в глаза, чмокнула в щечку. Но в глазах у Алексея читалось такое нетерпение, что она сразу отпрянула, сказав: — ну, выкладывай, какое у тебя срочное дело, что ты аж весь дрожишь от нетерпения.

— Да понимаешь, Лизок, — Леха переминался с ноги на ногу, в нерешительности теребя пуговицу на кофточке Лизы, — может, лучше поднимемся к тебе, а то здесь, уж очень неуютно, да и вахтер на меня вон как зыркает.

— Это он от ревности, — успокоила Леху Девушка.

— Ну что ж, ко мне так ко мне, — Лиза провела Алексея мимо вахтера, и они поднялись в лабораторию. Войдя в лабораторию и устроившись у стола, Алеша вытащил из сумки книгу и протянул ее Лизе.

— И что? — Скептически произнесла она.

— Что, что, — обиделся Леха, — экспертизу давай, вот что.

— Экий ты быстрый, — возмутилась девушка, — вынь ему да положи, ты что, следователь или прокурор?

— Ну, Лизанька, — взмолился Леха, — ну, пожалуйста! Обещаю сводить тебя в кафешку.

— Ну, это другое дело, — согласилась она. А криминала тут нет, случайно? — Спросила она подозрительно.

— Да какой криминал, Лизок! Книга «чистая», отвечаю, чисто, конкретно, — заверил Леха.

— А что бы ты хотел узнать? — Уточнила Лиза.

— Ну, не знаю, — оторопел Алексей, — ну, например, сколько ей лет, из чего она сделана, что в ней написано, в общем, все, что можно.

— А откуда она у тебя? — Не унималась девушка.

— Откуда, откуда, — начал ворчать Леха, — очень ты любопытная. Отцу один приятель принес, большие деньги просит, а отец проверить хочет, действительно ли она того стоит. Вот меня и отправил к тебе.

— А, теперь понятно. Только экспертиза будет завтра, Лешенька, а сегодня мы идем в кафешку, и никаких возражений по этому поводу. Знаю я вас, свое получите и поминай как звали.

Леха пытался протестовать, а потом махнул рукой и согласился, решив, что, в данной ситуации можно совместить приятное с полезным.

Повеселились они от души. Потом Леха проводил Лизу домой, а сам отправился к себе в общежитие отсыпаться. Вечером следующего, а вернее уже этого дня, Лиза обещала сообщить результаты исследования книги. Он поднялся к себе в комнату, забрался под одеяло и тут же заснул.

Проснулся он поздно и долго еще нежился в постели. Вставать очень не хотелось, но голод дал о себе знать и Алексей, кряхтя как старый дед, выполз из-под одеяла. Наскоро умывшись, он сбегал в магазин, купил еды и, вернувшись, плотно подкрепился. Времени до встречи с Лизой оставалось довольно много и Леха, не раздеваясь, опять повалился на кровать. Он лежал и думал, уставившись в потолок и заложив руки за голову. Его снова стала окутывать дрема и наконец он заснул.

Проснулся Алексей оттого, что кто-то настойчиво тряс его за плечи. Он открыл глаза и увидел перед собой взволнованное лицо Лизы.

— Да что это все взяли моду меня тормозить? — Возмутился он, — Лиз, я что проспал?

Да не проспал ты, не проспал, — взволнованно тараторила она, — вставай-ка, милый, мне твои объяснения нужны. В институте переполох настоящий, все на ушах ходят.

— А что случилось-то?

— Это все из-за твоей книги, понимаешь!

— А что с ней, с книгой, — насторожился Алексей.

— С книгой-то ничего, но вот где ты взял ее? Вернее, где тот продавец, про которого ты рассказывал, взял эту книгу?

— Да что стряслось-то, говори толком, — Алексей стал злиться.

— Где взял, где взял..., докладывай все по порядку! — Скомандовал он.

— Докладываю, — в тон ему отвечала Лиза, — книгу исследовала. Исследования проводились на предмет качества и состава бумаги. Только вот беда, никакая это не бумага оказалась.

— А что же?

— Да не перебивай ты!

— Молчу, молчу, продолжай.

— Я подумала, что это может быть пергамент, ну и решила в лабораторию молекулярно-биологических исследований ее отнести. Ну и отнесла на свою голову! — Лиза всхлипнула.

— Ну и что, что, — не обращая внимания на ее слезы, требовал ответа Алексей.

— Что, что — Лиза уже плакала по-настоящему, — не пергамент это, а кожа

человеческая!! — Девушка стала поддвывать.

— А буквы кровью написаны, этих самых человеков. В общем, страницы изготовлены из кожи двух особ мужского пола, а написана она их же кровью.

— И в их присутствии, — угрюмо пошутил Леха.

— Меня уже арестовывать хотели, а потом решили еще и возраст их определить, и давность. Ну а тут уже полная чехарда началась. И началась она потому, что возраст современного человека, по останкам, определить можно, а у этих двоих возраст зашкаливает, аж не знаю как.

— Что значит зашкаливает, — не понял Леха.

— А то и значит, что столько не живут! Они уже, как минимум, десять раз в наше время, умереть должны были.

— А они сколько раз умерли, — задал Леха дурацкий вопрос.

Лиза продолжала, не обращая на него внимание.

— После этого, ко мне меньше приставать стали. Поняли, что книга древняя, стали спокойно исследовать.

Так вот тебе конечный результат: возраст книги определить невозможно, нет такого метода, не придумала еще наука. А вот возраст тех мужчин, из кожи которых страницы изготовлены, кое-как определили. В общем, было им, на момент смерти, по тысячи лет каждому, плюс-минус лет двести, триста. Это — раз.

— Второе — обложка книги изготовлена из кожи какого-то животного, тоже очень древнего, примерно ровесника мамонтов. Сшив страниц произведен жилами, видимо, того же животного. Но самое главное то, что ни группу крови, ни резус-фактор этих людей определить не удалось, нет таких аналогов. Вывод напрашивается сам собой: либо эти двое неземного происхождения, либо весь наш институт состоит из испанских летчиков, а я у них стюардесса.

Леха ошарашено смотрел на Лизу, речь у него отняло начисто.

— Ну, чего застыл как истукан, Лешка, — Лиза уже не плакала, — ты получил ответ на свой вопрос?

— Получил, — едва слышно выдохнул Алеша, — да только этот ответ еще больше вопросов порождает.

— Лешенька, ну расскажи правду, — взмолилась девушка, — это же так интересно.

— Алексей, будто не слыша ее, потянулся к сумке и извлек оттуда термос.

— Мы что, кофе будем пить? — Обрадовалась Лиза.

— Лиза, — серьезно сказал ей Алексей, — я должен тебя попросить еще об одном одолжении.

— Только не говори, что в термосе анализ мочи твоих древопитеков.

— Нет, Лиза, не анализ мочи. Но мне это очень нужно. Очень, понимаешь Лиза, вот так, — Алексей поднес руку к своему горлу.

— Что, опять в кафешку? — Оживилась Лиза.

— Лизонька!! — Взмолился Леха, — Ну, сделай ты мне еще один анализ, один и все! Я тебе за это всю жизнь благодарен буду, — и, подумав, добавил, — клянусь соседским поросенком.

— Попробовать, конечно, можно, — согласилась она, — только уговор — все мне потом расскажешь, договорились?

— Конечно, конечно, — сразу согласился Алексей.

— А что там, в термосе?

— Да так, ничего особенного, водичка из колодца.

— Из какого колодца?

— Да какая тебе разница, Лиза, сделай и все. Ну Лизок, ну Лизунчик, ну Лизик, ну Лимузинчик, ну Кадилакчик, ну Крайслерочек...

— Ну все, хватит, — не выдержала она, — а то сейчас ты меня «Татрой» назовешь. Давай свой термос. Завтра вечером жди результатов. Надеюсь, на этот раз сенсаций не будет?

— Не должно! — Твердо заверил Леха.

Девушка оставила книгу и, прихватив с собой термос, ушла.

У Лехи голова шла кругом. Вопросов было много, ответов не было.

— Чем дальше в лес, тем больше новостей, — думал он, — что ж теперь со всем этим делать?

Алексей начал было впадать в уныние, но тут его посетила одна очень интересная мысль. Мысль была настолько интересной, что Алексей тут же вскочил и бегом бросился в вестибюль общежития, где находился телефон-автомат.

Звонил он своему другу, с которым познакомился пару лет назад, на одной рэп-вечеринке. С тех пор молодые люди дружили.

Друга звали Филимоном. Странное имя, но прозвище было вполне современным — Фил. Фил учился на программиста и, как и Леха, обожал рэп. А еще Фил жить не мог без компьютера.

Дома Филимон имел высококлассную «машину» со всеми наворотами» сам писал обалденные программы, на чем и зарабатывал неплохие деньги. Все свое свободное время Фил посвящал либо написанию программ, либо рылся в Интернете, поэтому найти его не составляло никакого труда.

Алексею не повезло. Фил, видимо, рылся в Интернете, потому что его домашний телефон не отвечал, сколько бы Леха не набирал номер. На такой случай у Фила был мобильный телефон, но, как на зло, Леха забыл номер. После недолгих раздумий Леха решил отправиться прямехонько к другу домой, прихватив с собой злополучную книгу.

Звонок в дверь вызвал у Филимона справедливое раздражение. Он не любил посетителей вообще и во время работы, в частности. Звонок повторился. Филимон нехотя выбрался из-за компьютера, стряхнул с себя крошки от чипсов, хлебнул пива из банки и поплелся к входной двери, мысленно проклиная нежданного гостя.

— Леха, — изумился он, — ты чего здесь, у тебя ж каникулы?

— Слушай, Фил, — сразу, с порога, начал Алексей, — есть у меня к тебе одна конфиденциальная «терка». Тут такое «мясо», я сам в осадок выпадаю.

— Да чего ты на пороге-то «фризуешь», заползай в берлогу, хочешь пивчаги?

— Нет, спасибо, брат, — отказался Леха, проходя в прихожую.

— Ну, тогда проходи, рассказывай, что за терка у тебя ко мне, что за мясо, и вообще, чего это ты, прям посреди каникул, ко мне ломанулся.

— Знаешь, брат, — начал Леха, — долгая это история, да и не воткнешься ты сразу. Но скажу тебе честно, это такое, такое, ну просто чума.

— Да ладно ты, Леха, не чуфырься, шустрик. Давай, грузи по порядку.

— Не время, Фил, потом все подробно расскажу.

— Ну, тогда чего же ты хочешь, брат? — Удивился Фил.

— Послушай, — начал Леха, — у меня тут есть одна книженция, очень старая, древняя просто. Что в ней написано, понять невозможно, и я подумал, что может быть, ты сможешь подобрать какую-нибудь программу лингвистическую, ну, типа, дешифровки. Что бы там языков древних несколько было заложено, ну, самых древних, какие только есть. Книгу отсканировать и ввести в машину, ну и посмотреть, что из этого выйдет. Сможешь, а? — Леха с надеждой смотрел другу в глаза.

— Не знаю, — немного поколебавшись, отвечал Фил, — попробовать можно. А что за книга-то?

— Да вот, — Леха достал из сумки книгу и протянул ее Филу.

Тот повертел ее в руках, полистал, недоуменно крякнул.

— Павлины говоришь? И где ты этот талмуд откопал?

— Да так, есть одно место, — уклончиво ответил Леха.

— Ну, нет, это ж стебалово какое-то! — Возмутился Фил, — говорить ничего не хочет, а ты тут перед ним пластайся. Говори гад, с какими темными силами связался!

— Да не бухти ты, сказал же, потом расскажу. А ты посмотри, а? Сейчас посмотри, а? — Умолял Леха.

— Ну ладно, — согласился Фил, поняв, что ничего не добьется, — а какой язык тебе нужен?

— Я думаю, древнеегипетский, древнееврейский, клинопись, может, руны еще, как думаешь?

— Да я-то, откуда знаю, — взорвался Фил, — мне вообще параллельно, какой скажешь, такой и искать буду.

— Нет, старик, ты не понял, мне надо, чтобы все эти языки вместе были, тогда может, что и получится. Надо, чтобы программа сразу во всех языках искала, втыкаешь?

— Воткнулся, — в задумчивости произнес Фил, — да только такой нет, наверное. Лады, там тубик колы стоит, чипсы, а я пока, пороюсь тут немного, может чего и откопаю. — С этими словами Фил пошел к компьютеру.

Леха сел на диван, открыл банку колы, захрустел чипсами.

Фил мгновенно отключился от реального мира, и весь ушел в мир виртуальный. Он щелкал мышью, набирал что-то на клавиатуре, потом опять щелкал, Леха решил не отвлекать его. Время тянулось мучительно долго, Алексей не заметил, как заснул.

Проснулся он оттого, что кто-то неистово тряс его за плечи.

— Нет, ну кончатся эти тряски когда-нибудь — возопил Леха. — ну, чего все меня трясут?

— Кто все? — Не понял Фил.

— Да, сначала братик родной, потом чикса одна, теперь вот ты, любезный.

— Ладно, короче я тут скачал кое-что, но так как тебе надо, ну, чтобы языки все, в одной программе — такого нет. Если очень надо, то я могу написать тебе программу, только это будет долго, у меня работы полно.

— Фил, братишка, — взмолился Леха, — вопрос жизни и смерти! Выручай, надо быстрее, надо уже завтра!

— Завтра!? — Фил чуть не задохнулся от такой наглости, — да такие программы месяцами пишут, а он — завтра. Это мне месяц на одного тебя пахать бесплатно нужно!

— Фил, пожалуйста, — умолял его Леха, — ты себе даже представить не можешь, как это важно. Да тебе, может, человечество при жизни памятник поставит. Прикинь, стоишь ты

на постаменте с банкой пива в руках, ешь чипсы и умненько так в даль смотришь.

— Ну, зацепил, зацепил, — заржал Филимон.

— Ладно, брат, уломал. Приходи послезавтра, вечером, может, что и получится. Но учти, я ничего не обещаю. За такой срок и гений не справится, а я не гений. Свяжусь с пацанами, может у них что есть.

— Фил, а раньше, а?

— Раньше никак, — отрезал Филимон, — хоть на меха порежь, никак.

Разочарованный, Леха поплелся назад в общагу. Придя, он сразу, в чем был, завалился на кровать и заснул тревожным сном. Всю ночь его мучили кошмары. Новый день он встретил разбитым и опустошенным. Леха лежал на спине, заложив руки за голову, и тупо смотрел в потолок. Думать ни о чем не хотелось, все просто осточертело. Ему вдруг так захотелось домой, вернуться к прежней комфортной жизни, где ни над чем не нужно было ломать голову, просто жить и радоваться. Не стал он завтракать, не стал и обедать. Время текло незаметно.

Его мысли прервал настойчивый стук в дверь. Леха машинально посмотрел на часы, они показывали 16.00. Стук повторился еще настойчивее. Алексей нехотя пошел открывать. На пороге стояла Лиза, вид у нее был, как у полоумной.

— Так, — завопила она с порога, — пошел ты, Лешенька, знаешь куда!? Меня с работы выгонят! Меня в тюрьму посадят! Я с ума сойду от твоих опытов! Да что же это делается-то, а!? Да откуда же ты взялся на мою голову!?

Леха рывком втянул Лизу в комнату и закрыл дверь. Он обнял девушку, прижал к себе, стал успокаивать.

— Ну, что ты, Лизанька, что ты, — приговаривал он, — перестань, успокойся. Нельзя же так нервничать из-за какой-то водички.

— Водички!? — взвыла Лиза, — никакая это не водичка!! — из глаз ее брызнули слезы.

— Не водичка, не водичка, это, это... никто не знает, что это! — И тут девушка не на шутку разрыдалась.

Леха решил дать ей выплакаться. Он подал ей носовой платок, налил в стакан холодной воды, усадил на кровать. Прошло минут десять, прежде чем Лиза окончательно успокоилась, а потом Леха приступил к ней с расспросами.

Девушка рассказала ему, что анализ жидкости в термосе показал, что аналогов ей в природе не существует. Подобных химических соединений на земле нет и быть не может. В общем, это даже не жидкость, а что-то вроде материи, но что это за материя, из каких химических элементов она состоит, никто не знает. Нет таких элементов на земле.

— Меня уже и к директору водили, и из Академии наук приезжали, все пытали, где я это взяла.

— Ты сказала? — Встревожился Леха.

— Ничего я им не сказала, только термос у меня забрали и водичку твою тоже.

— Да бог с ней, с водичкой, — сказал Леха, — у меня еще есть. Он тут же пожалел о сказанном.

Девушка подскочила как ужаленная.

— Ну, знаешь, Лешенька, это уже слишком! Больше я в этом не участвую! Вот, это тебе за кафе! — Она швырнула на стол двадцатирублевую купюру. — Все, прощай, не звони мне больше, и не приходи. Знать ничего не желаю! Она резко повернулась и стремглав бросилась вон из комнаты, хлопнула дверь, затем послышались быстро удаляющиеся шаги.

Леха сидел, разинув рот. Ему казалось, что его нижняя челюсть, вот-вот упадет на колени, и будет травма коленной чашечки.

— Нет, это уж действительно слишком, — говорил он сам себе, — надо завязывать, а то можно и умом тронуться. Если с Филом ничего не выйдет, то завтра же забираю Сергея, и уезжаем домой. Ну их всех на фиг.

Леха встал и начал собирать вещи. Все валилось из рук. Он тупо ходил по комнате с одним носком в руках, не зная, что с ним делать. Он зашвырнул носок в угол и снова повалился на кровать. Некоторое время он пытался привести в порядок свои мысли. Это плохо у него получалось. Что бы хоть как то отвлечься, он включил телевизор. «ОНТ» передавало новости. Леха замер, глядя на экран.

— А теперь, сенсационная новость, — вещал диктор с экрана, — в НИИ Криминалистики, обнаружено, непонятно каким образом туда попавшее, странное вещество. Произведенный анализ этого вещества показал, что оно не имеет ничего общего ни с таблицей Менделеева, ни вообще с чем-то, с чем бы можно было его сравнить. Химические соединения, из которых оно состоит, на земле нигде не встречаются. Для разъяснения мы обратились к специалистам, и вот что они нам ответили.

На экране появилось лицо пожилого человека, ведущий представил его как профессора-химика, ведущего специалиста в этой области.

— Данное вещество, — возбужденно говорил профессор, — представляет собой редчайший образец неизвестной науке материи. В природе таких веществ не существует. Можно предположить, что оно имеет либо неземное происхождение, либо является какой-то новой разработкой ученых, но об этом нам ничего неизвестно. Свойства этого вещества таковы: структура его однородна, оно имеет постоянную температуру, которая равна минус пятидесяти семи градусам по Цельсию. Вещество не нагревается, не испаряется, его невозможно охладить, ниже указанной температуры. В данное время нами проводятся многочисленные исследования. Вполне возможно, что оно может быть опасным. Несмотря на отрицательную температуру, всего один миллиграмм этого вещества обладает энергией, которая даже не поддается измерению. К этой проблеме уже привлечены специалисты из Министерства обороны и КГБ. Радиационный фон в самом институте и на прилегающей к нему местности, к счастью, остается в пределах нормы.

На экране вновь появилось лицо ведущего.

— Вы смотрите новости на канале «ОНТ». Уже появилось мнение, что это происки спецслужб, враждебно настроенных к нам государств. Возможно, это новое оружие, с помощью которого можно стереть с лица земли нашу страну.

Жидкость была принесена в институт в обычном термосе для чая, одной из сотрудниц института. В настоящее время наши спецслужбы принимают все меры к ее розыску. Но несмотря ни на что, ситуация находится под контролем, оснований для беспокойства нет.

Далее, с новостями спорта и прогнозом погоды вас познакомит...

Леха выключил телевизор.

— Ну, вот и началось, — сказал он вслух, — надо литься отсюда, пока Лизку не раскололи.

Теперь движения Алексея стали более уверенными. Он быстро собрал вещи в сумку, оделся и покинул общежитие. Нужно было где-то укрыться и дождаться результатов работы Фила. Леха ничего лучше не придумал, как к этому самому Филу и пойти.

Открывший дверь Фил, уже не удивился Лехе, напротив, он был очень оживлен, но и

чем-то видно озабочен.

— Заходи, заходи, я уже почти закончил. Повезло тебе, Леха. Нашел я таки программку. У одного американского профессора скачал. У него там защиты всякой, ключей, паролей наставлено было столько, да не устоял он перед белорусским хакером. Я их за сорок минут все взломал, прикинь. Ничего так программка, мыслящая. Он, видно, тоже фанат, вроде тебя, только умный. Но я решил еще немного эту программу доработать. Добавлю туда еще санскрита, китайского, японского — древних, для комплектности, ну, чтобы не переделывать. Часика через два-три, будет готово. А книженицу я твою уже всю отсканировал, распознал, думаю, все будет нормально. А ты, если хочешь, сходи пока на кухню. Там колбаса, чипсы, в общем, ни в чем себе не отказывай.

Фил снова углубился в работу.

Леха вздохнул и поплелся на кухню. Вскипятил чайник, сделал себе бутерброд, немного перекусил и стал ждать окончания работы Фила.

Надежды на то, что из этого что-то получится, было мало, но Леха все-таки надеялся. «А вдруг? Думал он. Ведь так иногда бывает. Может быть расшифровка текстов, содержащихся в книге, прольет свет на эту, в конец запутанную историю». Он гнал от себя другие мысли и не задавался вопросом, что делать дальше.

Прошло три часа томительного ожидания, но Фил еще не подавал никаких сигналов. И, наконец, после шести часов работы, уже окончательно потерявший надежду Леха услышал довольное бормотание, потиравшего руки Фила.

— Леха, иди сюда. Сейчас будем дешифровать эти перлы.

Алексей бросился в комнату, — неужели получилось? — с недоверием и одновременно с надеждой спросил он.

— Получилось или нет, я не знаю, но программа, во всяком случае, готова. Сейчас введем текст, а там посмотрим, что из этого выйдет.

Фил пощелкал мышью и, грациозно, как пианист, нажал клавишу «Enter». Курсор на экране пропал, а вместо него появились маленькие песочные часы, которые то и дело переворачивались.

— Ну, пусть машина думает, — потянулся Фил на стуле, — а я пойду чего-нибудь слопаю. С чувством выполненного долга Фил отправился на кухню.

Леха остался у компьютера и с нетерпением смотрел на экран монитора. Потянулись минуты ожидания. Наконец, экран монитора замигал, и на нем стали появляться колонки каких-то цифр. Их становилось все больше и больше, пока весь экран не заполнился ими полностью. Леха недоуменно смотрел на экран.

— Что это? — Вслух спросил он, — один, ноль, ноль, один, ноль... — Футбол что ли? — Эй, Фил, быстрее сюда! — Заорал Леха.

Из кухни послышался звук падающей табуретки, звякнула посуда на столе, и в дверях появился жующий Филимон. Он подошел и встал у Лехи за спиной.

— Это что? — Спросил Леха, указывая пальцем на экран.

— Это? Это двоичная система программирования, язык ЭВМ, — спокойно ответил Фил. Только непонятно, зачем он нам его показывает?

— Кто он? — Не понял Леха.

— Да компьютер мой. Он его читать должен, а не показывать. Не справляется что ли?

— Я так и знал, — поник Леха, — ну, а что теперь делать?

— Что делать? Да ничего не делать, подождем, может справится.

Словно в ответ на его слова, экран несколько раз мигнул и погас. Казалось, монитор отключился, но лампочка индикатора горела, значит, он работал. Медленно, как бы нехотя, на абсолютно темный экран, выплыла фигура, в виде вытянутой и положенной на бок цифры «восемь».

— Это еще что? — Недоуменно спросил Фил.

Молодые люди во все глаза смотрели на экран.

Фигура двигалась, она стала одновременно и приближаться, и переворачиваться. Она увеличивалась в размерах и, в конце концов, заполнила собой весь экран. Ребята увидели, что это не восьмерка, а спираль, которая, в свою очередь состояла из таких же спиралей, но меньших размером, а те — из еще меньших, и так далее. Промежутков не было. Все промежутки были заняты другой фигурой, как бы, антиспиралью, и движение там происходило в обратном направлении. На экране все двигалось, но что это, понять было невозможно.

У Лехи по спине побежали мурашки, — дежа вю, — подумал он, — где-то я это уже видел. Вот только где? — Вспомнить он не мог.

Картинка на экране не менялась. Они подождали немного, но все оставалось по-прежнему. Весь экран занимали движущиеся спирали.

— Фил, — попросил Леха, — сбрось мне это на флешку.

— Без проблем, — ответил тот, и привычным движением вставил флешку в разъем, включил режим копирования.

Тут же на экране высветилось табло: «Накопитель переполнен. Вставьте другой диск...»

— Не понял, — удивился Фил, — а мы так. С этими словами он взял съемный винчестер и подсоединил его к компьютеру. Ответ был тот же.

— Опять не понял, — еще больше удивился Фил.

И тут с компьютером стало твориться что-то непонятное. Он вдруг пожаловался на нехватку ресурсов. Фил обалдело глядел на экран.

— Как это не хватает, — недоумевал он, — там же места полно было. Что ж это за ботва такая?

Тем временем, на экране появилось новое сообщение: «Программа выполнила недопустимую ошибку и будет закрыта...» и так далее.

Фил щелкнул мышью на значке «Ок». Вздох облегчения вырвался из его груди, на экране появился привычный «рабочий стол». Но он не остановился на этом и решил проверить логические диски. Не один диск не открывался, а вместо этого стали появляться сообщения, что диски переполнены, потом компьютер завис. Он не отзывался ни на нажатие клавиш, ни на щелчки мышью, не подчинился он и команде перезагрузки. Обезумевший Фил попытался перезагрузить вручную, но теперь перестал запускаться даже «BIOS». Это означало, что компьютеру пришел конец.

— Леха!! — Заревел Фил, — все, кирдык машине пришел! Емое! Такой машины даже у Била Гейтса нет! Все накрылось медным тазом! Что за хрень ты мне приволок!?

Алексей ошарашенно смотрел на Фила, не в силах вымолвить ни слова. Затем, обретя дар речи, Леха стал оправдываться.

— Фил, да я откуда знал? Я что специально? Я ж просто посмотреть хотел. Я себе и представить не мог, что так получится.

— Да что теперь!?! — Фил в отчаянии обхватил голову руками, — я, что бы эту машину

собрать, полжизни отдал, и на тебе! Елы-палы!! — Спихватился он. — Я ж в «Интернете»! А если это что-то типа вируса! Он же всю «паутину» этими восьмерками завалит! Фил отключил питание компьютера и выдернул шнур из телефонной розетки.

— Что теперь делать-то? — Начал он заламывать руки, — большой «кирдык» намечается. Надо будет вечером новости посмотреть. Фил схватил телефонную трубку и стал обзванивать всех кого знал, предупреждая их о том, что бы те не входили в «Интернет», и вообще отключили свои роутеры.

Леха стал собираться.

— Фил, ты извини, пора мне, пойду я, итак, ты из-за меня натерпелся. А за компьютер я с тобой рассчитаюсь. Ну, не сразу, конечно. Частями, если ты не против.

— А, — отмахнулся Фил, — проехали. Ну, и куда ты пойдешь сейчас? На часы посмотри, лапоть. Ночуй у меня, а утром уже двинешь, куда тебе надо.

Леха не сопротивлялся. В общежитие ему идти нельзя, а больше пойти ему было некуда. Да и не найдут его здесь.

Филимон постелил ему на диване, а сам ушел в свою комнату и закрыл за собой дверь.

Леха разделся и лег.

«Боже мой, — думал он, — что же я натворил. Сейчас родителей терзать начнут. Лизку, наверное, уже нашли, и она все рассказала». Вдруг мысли его потекли в ином направлении. «А в чем я собственно виноват? Законов мы не нарушали, вроде. Ну, пусть и меня найдут. Что они мне сделают? Родителей жалко, а так ничего страшного. Завтра с утра еду на хутор, забираю Сергея... Стоп! А чего это я должен от всего отказываться? Криминала никакого нет. Ну, сперли мы книгу из музея, так это еще доказать надо. За это не посадят. А что до всего остального, так это наше личное дело, из каких колодцев пить, и у каких бабок жить, на своих законных каникулах. И чего я так перепугался? Ведь, если подумать, то за всем этим кроется что-то очень загадочное. Я ведь о чем-то подобном даже и не слышал никогда, а тут в самом центре событий оказался. Нет, от мировой славы так просто не отказываются! Надо дело до конца доводить. Успокоившись, Леха сразу же уснул.

Фил тормозил Леху уже добрых пять минут. Алексей открыл глаза и, часто моргая, с недоумением уставился на друга.

— Нет, эти тряски, видимо, никогда не кончатся, — бурчал он, — ну, что еще, компьютер заработал?

— Не заработал, — с сожалением отвечал Фил, — а вот ты, братан, террористом оказался.

— Не понял, — с угрозой в голосе сказал Алексей.

— Да ты не бойся, — успокоил его Фил, — ты к какой группировке относишься, «Хамаз» или «АльКаида»?

— Бина Ладена знаешь? — Строго спросил Леха, — так вот, я его внучатый племянник. И чего вообще ты ко мне прицепился с утра с этим терроризмом?

— Ну, во-первых, уже день белый на дворе, — пояснил Филимон, — а во-вторых, я щас телик смотрел, новости, типа. Так там ваши с Сергеем портреты показывали, интервью у ваших родителей брали, и еще сказали, что прокуратура возбудила уголовное дело по статье «терроризм». Всех, кто вас видел или знает, где вы находитесь, просили позвонить по телефону. Я номерок записал на всякий случай. Мало ли что. Так я звякну?

— Я тебе звякну! — Замахнулся на него Леха. Он вскочил с дивана и стал торопливо одеваться.

— Ну, тогда расскажи коротенько, как и что? — Ненавязчиво попросил Фил.

Пришлось Лехе, вкратце, ввести друга в курс дела.

— Я с тобой! — Решительно заявил Филимон.

— Еще тебя нам не хватало, — ворчал Леха, обуваясь, — дело-то нешуточный оборот принимает. Гляди, соучастником пойдешь.

— Да ладно тебе, Леха, разберутся же потом.

— Потом будет потом, а сейчас: «...никаких уступок террористам, мочить всех в сортире...». Спецназ, фигас и прочее. Ты подумай, на что подписываешься.

— Да я за это готов хоть в Сибирь, хоть на плаху, — хорохорился Фил, — такой шанс раз в жизни выпадает. Опять же, другу помочь — святое дело. Короче, берешь меня с собой, и ты мне за компьютер ничего не должен, идет?

— Ладно, фиг с тобой, собирайся, — нехотя согласился Леха.

— А я уже готов, — Фил выволок из соседней комнаты туго набитую дорожную сумку, — как чувствовал. В сумке что-то захрустело.

— Ты туда одних чипсов напихал? — Засмеялся Леха.

— Не без того, — гордо ответил Фил, — ну и еще кое-что. Ноутбук вот прихватил, на всякий случай. С него можно в «Интернет» по мобильнику выходить.

— Дело! — поднял большой палец вверх Леха.

— И бабки есть, — ответил Фил с оптимизмом. Но тебе, Леха, в таком виде в город выходить нельзя, ты в розыске. Надо внешность менять.

В руках у Фила появились ножницы и расческа.

— Стричься, — взревел Леха, — ни за что! Ты мне весь фасон испортишь.

— Надо! — Отрезал Филимон.

Через полчаса от прежнего Лехи остались одни теплые воспоминания. Фил превзошел

самого себя. В зеркало глядел совсем незнакомый парнишка. Присовокупив к этому солнцезащитные очки, Фил остался доволен.

— Ну, что, Бонд, пошли? — Решительно сказал он.

— Джеймс Бонд, — поправил его Леха, — подходя к дверям.

У дверей Фил остановил друга.

— Береженого бог бережет, закажем такси, пусть нас за город вывезет, а там, на попутках доберемся.

Фил набрал номер и сделал заказ. Через десять минут ребята уже сидели в салоне белой «Джили». Водитель обернулся к ним с вопросом: — а вы, хлопцы, случайно, не те, которых разыскивают, не террористы?

— Дяденька, ты че, не в себе? — Обозлился Фил, — мы рэпперы, понял, едь давай.

Дяденька сделал вид, что понял и обиженно нажал на акселератор. Через полчаса, выехав за город, он получил за проезд щедрую плату и, довольный, поехал назад.

Голосовать ребятам пришлось довольно долго, мало кто сейчас берет попутчиков. В конце концов старенький «Фольксваген» доставил-таки их до райцентра. Такой же старенький «Фиат» подбросил до деревни. На хутор они прибыли уже затемно. Заждавшийся Сергей встретил их с распростертыми объятьями, а бабка Стефа, с традиционно вкусным ужином. Она даже не поинтересовалась, зачем еще один гость у нее появился.

После ужина, оставшись с братом наедине, Леха во всех подробностях поведал ему о своих приключениях.

— Ну, влипли, — возбужденно говорил Сергей, — а я говорил, что домой надо ехать. А ты Нобелевская премия, открытие века... Будет тебе и премия и открытие, и все в одном месте, в месте заключения. Что родители подумали, они ж себе места не находят.

— И то верно, — спохватился Алексей, — я даже позвонить им не додумался. Фил, можно я твоим мобильником воспользуюсь?

— Да ты что, — замахал на него руками Филимон, — у них телефон точно на прослушку поставили, враз засекут.

— Это точно, — согласился Сергей.

— А давай мы им сообщение по электронной почте пошлем. Чекисты фиг догадаются, — предложил Фил, — у тебя ж дома компьютер есть.

— Ну, голова, — обрадовался Леха, — что бы я без тебя делал?

Полчаса ушло на составление письма и, благодаря далеко шагнувшему техническому прогрессу, сообщение было отправлено.

Ответ пришел примерно через такое же время. Текст состоял из непере译имой игры слов, но они были такими выразительными, что покрасневшие молодые люди удивились тому, как все было емко и доходчиво изложено. Ниже была приписка от мамы. Она вполне поддавалась литературному переводу. А еще ниже, опять от отца: «Сидеть на месте, не высываться! Приеду, сам во всем разберусь. Сообщите адрес, черти».

Последнее слово из всего текста было самым нежным. Ребята отправили свой адрес и успокоились. Они знали, что, если отец взялся за дело, значит, все будет в порядке.

— Ну, и что теперь? — Не унимался Леха.

— Будем ждать отца, — твердо ответил Сергей.

— Да уж, он нас всех тут в колонну по три построит. И нас, и полтергейстов наших, и бабку Стефу, и кота ее в придачу.

— Что ты конкретно предлагаешь, — спросил Сергей.

— Сидеть, сложа руки нельзя, надо дело до конца доводить, не люблю полумеры, — настаивал Леха, — надо в колодец спускаться, там разгадка, я это чувствую.

— Ну, вы посмотрите на этого героя! — Взорвался Сергей, — мало того, что он в высоких эфирах полетал, да так, что едва ласты не склеил, ему еще и в царство Аида захотелось. В ведре, что ли, спускаться будешь, Емеля, блин. Мало я по тебе слез пролил? Так ты еще хочешь, что бы я тебя собственноручно под землю отправил. Я считаю, что надо дождаться отца. Он все точки над *i* расставит.

— Да, чего дожидаться, — не унимался Алексей, — знаю я, как он расставит. Он всех нас буквой «зю» поставит, колодец взорвет и скажет, что так и было. Загонит дома на огород и мы, как пленные румыны, будем до конца лета слезы лить в помидоры и огурцы.

— Лучше уж на огороде, чем на Володарского, — сделал вывод Сергей.

— Да хватит вам! — Очнулся доселе молчавший Фил, — Леха дело говорит, надо в колодец спускаться. Мы сейчас, как никогда, близки к разгадке.

— А на чем спускаться-то? — Не унимался Сергей.

— Так на веревке, у нас же есть, — ответил Леха.

— Да веревка-то какой длины, ты, теоретик!? — Продолжал с пессимизмом в голосе Сережа, и сразу же сам ответил на свой вопрос — тридцать метров. А колодец, какой глубины? — Метров двести, точно. И будешь ты там болтаться, как сам знаешь, что, сам знаешь где. И что ты там увидишь? Нет, это несерьезно, — подытожил свои выводы Сергей, — ребячество чистой воды. Мы же взрослые люди. Давайте трезво смотреть на вещи. Кстати, — вспомнил он, — то дед, с тех пор, больше у колодца не появлялся, я проверял. Пуганули мы его. Ушел он, в астрал откинулся, не вернется он. Надо отца ждать, — закончил, наконец, свою речь Сергей.

Но Леху, казалось, не тронули веские доводы брата.

— Ты как хочешь, а мы с Филом попробуем. Можешь ждать папу, только потом не говори, что тебя не приглашали, а лавры себе присвоили.

— Эти лавры мне больше венки напоминают, с лентой — не уступал Сережа.

Но Алексей уже выволок рюкзак на середину комнаты, и достал оттуда веревку, поясную обвязку и два фонаря.

— Фил, подстрахуй, — весело попросил он друга, вскидывая моток веревки на плечо.

— От подстрахуя слышу, — в тон ему огрызнулся Фил, беря фонари.

Ребята уверенно направились к колодцу. Алексей надел обвязку, щелкнул карабином, заткнул за пояс фонарь.

— Ну, с богом, — скомандовал он и забрался на каменный край колодца.

Вдруг из дома бабки Стефы послышалось заунывное пение, а следом показался крестный ход. Первой шла бабка Стефа, с иконой в поднятых над головой руках. Сергей, поддерживавший ее, следовал позади. У обоих были скорбные каменные лица.

— Только этого еще не хватало, — разозлился Алеша.

— Давай брат, не останавливайся! — Подбодрил его Фил.

Леха стал спускаться в колодец. Фил страховал его, пропустив веревку через вал. Подошли бабушка с Сергеем. Бабуля пела какие-то церковные песни, не опуская при этом рук с иконой. Сергей, перестав ее поддерживать, с любопытством заглядывал в колодец.

Алексей медленно опускался вниз. Он с удивлением увидел, что стены колодца выложены из огромных, отлично пригнанных, каменных блоков. Какая-то мысль мелькнула в его мозгу, но ему некогда было ловить ее за хвост. По мере того, как он все глубже

опускался во чрево колодца, становилось все темнее. Алексей включил фонарь. Луч света осветил стены вокруг. Алеша направил его вниз, чтобы посмотреть, не появится ли внизу отблеск на поверхности воды. Фонарь был мощный, луч его бил уверенно на сто метров. Но внизу он терялся во мраке. Становилось нестерпимо холодно. По расчетам Алексея, веревка должна была скоро кончиться.

— Прав был Сергей, — думал Алеша, — веревки не хватит, а дна так и не видно.

— Ну, что там? — Донесся сверху озабоченный голос брата.

— Тут бездна, — крикнул Леха, — вернее без дна, — перенес он ударение на последнюю букву.

Филимон, не обращая внимания, на их переключку, медленно вытравливал остатки веревки. Наконец веревка была вытравлена почти полностью. Фил прочно закрепил ее конец, и тоже заглянул в колодец. Глубоко внизу мерцал свет Лехинового фонаря.

— Ну, что там? — Спросил теперь и он.

— Наверное, Сергей был прав, — донеслось из колодца, — надо подниматься, ничего не видно.

Леха, еще раз, для очистки совести, посветил вниз, что бы убедиться, что там точно ничего нет. Луч фонаря, как и раньше, терялся во тьме. Вдруг Алексей замер, сердце его радостно забилось. В нескольких метрах внизу, в стенке колодца он увидел, размером в полтора роста человека высотой, и такой же ширины, нишу.

— Трави еще! — Голос его зазвенел от радости, — что-то есть.

— Что, что? — Закричал сверху Сергей, — Леха, я тоже травлю, помогаю. Леха слышишь? Я ведь так, шутил. А на самом деле я с тобой, братик. Я страхую, и бабка Стефа тоже страхует. Мы все страхуем. Что ты нашел, не томи?

— Ну, ну, «подстрахуй» ты мой. Трави, давай. Что-то я сейчас найду, — радовался Алеша.

Ребята наверху едва удерживали короткий конец веревки. Но Алексей уже опустился на необходимую глубину и, с увлечением, рассматривал то, что находилось прямо перед ним. Ниша была довольно глубокой и уходила далеко в глубь стены. Стены, пол и потолок ее, поросли зеленым мхом и плесенью. Вдоль стен едва угадывались силуэты колонн. На полу лежали какие-то крупные предметы, по форме напоминавшие статуи. Ниша заканчивалась глухой стеной, на которой были едва заметны очертания массивной арки.

— Есть! — Что было силы, крикнул Алексей, — крепи конец!

— Какой? — Шутил Сергей сверху.

— Я кроме шуток, пацаны. Тут такое!

Ребята дружно закрепили конец веревки и склонились над колодцем.

— Леха, я тоже хочу! — Кричал Сергей, по пояс, повиснув над пустотой.

Алексей тем временем начал раскачиваться и, наконец, его ноги коснулись пола ниши. Он снял с себя обвязку и, дернув за веревку, крикнул: — вира, помалу. Сергей, спускайся, помощь нужна.

— Я уже лечу к тебе, родной, — радовался наверху брат.

— А я? — Возмутился Фил.

— А страховать кому? — Урезонил его Сергей.

Фил не нашелся, что ему ответить.

Лицо бабки Стефы выражало панический ужас. Она молилась без остановки.

Никто не заметил, как на опушке леса появились силуэты людей в униформе. В руках у

них были укороченные автоматы, лица скрывали маски. Сама «Альфа» удостоила ребят своим посещением. Бойцы занимали выгодные позиции вдоль опушки. Наконец, все замерли, готовые, по первой команде, ринуться в бой.

Со стороны леса донесся властный голос, усиленный громкоговорителем: — ребята, только без глупостей. Вы окружены. Не вынуждайте нас применять силу. Оставайтесь все на своих местах. С нами ваш отец, передаю ему мегафон. Хлопцы, стойте, где стоите! — Говорил отец уверенным, привыкшим командовать, голосом, — все будет в порядке, разберемся. Эти ребята шутить не будут.

— Прости папа, но я — за Лехой, — сказал Сергей вполголоса, успев уже надеть на себя обвязку.

Фил стоял с поднятыми вверх руками. А бабке Стефе и рук не надо было поднимать. Она так и стояла все это время с поднятыми руками, держа икону. Происходящее ее не касалось, она читала молитвы.

— Фил, страхуй! — скомандовал Сергей.

Тот в ответ только помотал головой, не опуская рук.

— Сережка, — взмолился он, — они ж стрелять будут!

— Ну, тогда я «дюльфером», — спокойно сказал Сергей, пропуская веревку через плечо и вытравливая свободный конец правой рукой через карабин.

— Врагу не сдастся наш гордый «Варяг»... — громко запел он и исчез в колодце.

Хлопнул одиночный выстрел, но, видимо, стреляли в воздух. Бойцы начали движение, смыкая кольцо вокруг колодца. Они, видимо, понимали, что ребята не представляют опасности, поэтому особенно не скрывались, шли открыто.

Фил в ужасе упал на землю, прикрыв голову руками. Бабка Стефа продолжала молиться. Спецназовцы подошли вплотную, один из них поднял с земли Фила.

— Только не убивайте, — взмолился Филимон, — я все расскажу. Я здесь случайно...

— Что здесь происходит? — Прервал его признания вопросом, один из двоих, подошедших к нему, людей в штатском.

— Мы это, ну, типа, — бормотал Фил, — компьютер, того, кирдык, а книга того, восьмерки там, я программу залил и все, всем кирдык...

— Понятно, — засмеялся человек в штатском.

— А они это, типа, в колодец, посмотреть на дядю Колю, он, там, типа живет. Он старенький, ему лет тысяч тридцать пять, он колдун и ваще конкретный дед, — Фил начал потихоньку приходить в себя.

Спецназовцы вытащили из колодца веревку со снаряжением, но Сергей уже успел отцепиться. Один из военных попробовал веревку на прочность.

— Не выдержит, — констатировал он, — свою надо.

Отец наклонился над колодцем.

— Хлопцы, — крикнул он, — это уже не шутки, вылезайте, надо во всем разобраться.

Братья стояли в нише друг против друга.

— Ну что там? — Спросил Алеша.

— Что, что? Маски-шоу вот что. Меня чуть не подстрелили, — хвастал Сергей, — батя приехал. Лучше бы подстрелили. Ох, Леха, будет нам с тобой, ох будет.

— Не кисни, — бросил ему Леха, и стал пытаться отчистить мох со стены, — тут вроде как колонны выступают.

Мох отделялся легко, а из-под него засверкал ослепительным блеском драгоценный

металл.

— Золото, Леха, золото! — Восторженно завопил Сергей, — я же говорил, что должно быть что-то ценное, а ты мне не верил.

Алексей, пораженный, смотрел как теперь Сергей лихорадочно отчищает стену от мха и плесени. Подпиравшие стены колонны оказались из чистого золота. Но его внимание все более привлекала глухая стена, в конце прохода. Он смотрел на арку и все больше убеждался в том, что там должна быть дверь. Он подошел к стене, и стал ощупывать ее руками, пытаясь найти то, что могло бы служить ручкой, или рычагом для открывания.

Сергей в это время, с упоением очищал стены, приговаривая: — золото, блин, золото. Двадцать пять процентов. Сколько тут килограммов, интересно? Почему сейчас золото? Какой сейчас курс доллара? Эх, жаль, калькулятора нет, фиг посчитаешь, на что денег хватит. За этим занятием он забыл про все на свете и не заметил, как его рука нащупала на ровной стене углубление, из которого торчала ажурная ручка. Она напоминала ручку от заварного чайника. Сергей решил отломать ее, чтобы сразу обогатиться. Он изо всех сил стал тянуть за нее и отломал-таки. Довольный, он засунул ее в карман. В тот же миг раздался громкий скрежет. В глухой стене, прямо перед Алексеем открылся проем. Сергей испуганно смотрел на брата.

— Есть! — Победно крикнул тот, — молодец, братан!

Он осветил фонарем внутрь.

— Тут ступеньки, они ведут вниз, давай за мной! — Скомандовал старший брат и исчез в темноте проема.

Сергей рванулся следом. Не успел он шагнуть в проем, как невидимые петли опять закрипели, возвращая каменную глыбу, служившую дверью, в прежнее положение. Стена стала снова закрытой наглухо.

— Замуровали, демоны! — Констатировал Сергей.

Тем временем, Леха спускался по скользким каменным ступеням винтовой лестницы, не обращая ни на что внимания. Сердце его бешено колотилось, кровь пульсировала в висках. Он понимал, что разгадка близка и это придало ему сил.

— Ой, к Вельзевулу в лапы попадем! — причитал бежавший следом Сергей. — Ой, погубим души наши чистые, непорочные! Что папе с мамой скажем? Ну что ты молчишь, отвечай, антихрист?

Алексей, весь преисполненный какого-то щемящего, радостного чувства, не обращая внимания на слова брата, летел вниз по ступеням, рискуя в любой момент поскользнуться, и свернуть себе шею. Сергей едва поспевал за ним.

Наконец спуск прекратился. Они стояли на ровной каменной площадке. Лучи фонарей терялись во тьме.

— Ну, вот и приехали, — нарушил молчание Сергей, — сейчас черти появятся, варить нас в смоле будут.

Где-то впереди вспыхнуло яркое пламя, как от большого костра.

— Во, уже запылают! — Начал паниковать Сергей, — так вот он какой, ад крошечный! Отче наш, иже еси на небеси... Леха, как там дальше?

— Да святится имя твое! — Отрешенно сказал Алексей и двинулся на свет.

Сергей следовал за ним, бормоча все молитвы, которые приходили ему на память. Исчерпав все свои духовные запасы, он запел: «Аре, Кришна, Аре, Рама...». Последнее, что пришло ему в голову, было: — Христос воскрес, аминь!

Они шли по гладко отшлифованному каменному полу, и эхо их шагов терялось в пустоте. Лишь впереди, ярко пылал, непонятно кем зажженный, огонь. Разгадка была близка, оба понимали это. Сергей уже замолчал за спиной брата, и лишь изредка, слышались его тихие, жалобные вздохи. Они вышли на освещенное место.

На берегу закованного в камень озерца возвышался огромный алтарь. Огонь горел на алтаре. Ровная гладь озерца отражала игру языков пламени.

Ребята шли к берегу. Рядом с алтарем зажегся светильник на высокой стойке. Следом вспыхнул другой, третий. Образовался круг из горящих светильников. В центре этого круга помещались алтарь и озерцо. Стало довольно светло, стен и потолка видно не было. За границей света царил полный мрак.

Вдруг, Алексей резко остановился и замер. Сергей с ходу ткнулся лбом ему в спину, ойкнул, и тоже замер.

У алтаря появились две человеческие фигуры. Они стояли и смотрели на ребят.

Алексей, подчиняясь какой-то неведомой силе, двинулся вдоль берега и остановился в двух шагах от них.

Одного Алексей узнал сразу. Это был тот самый старец, которого он встретил у колодца, той роковой ночью. А второй, кто же он? «Почему мне так знакомо это лицо? — Думал Алеша, — где я мог его видеть?»

Он посмотрел в глаза незнакомцу. Что это были за глаза! В них была необычайная ясность, глубина, из недр которой, на Алексея, казалось, смотрела вся бесконечная Вселенная. В голове Алексея стало происходить что-то непонятное. Он стал вспоминать, что же произошло с ним той ночью. И он вспомнил! Это не было сном. Он вспомнил все. Полет во тьме, вопросы, ответы, огненный шар...

Наконец-то ты пришел, — отдалось в голове Алексея, — мы так ждали тебя. Теперь ты все знаешь.

Никто не раскрывал рта, но Алеша ясно слышал каждое слово. Сергей часто моргал и все ждал, что кто-то что-то скажет, но все молчали, и Сережа не решался первым нарушить это молчание.

Алексей решился задать вопрос. Он сделал это мысленно. Ответ явился в его мозгу мгновенно. Но Алексей это уже знал.

«Так вот в чем дело, — думал он, — значит, я единственный, кто смог. Я избранный».

— Никто тебя не избирал, — звучал ответ в его мозгу, — так сложилось и все. Этого предвидеть не мог никто. Ты пришел и это самое лучшее из всего, что могло произойти на этой земле за последние тридцать пять тысяч лет. Теперь ты все поймешь сам.

А что мне делать с книгой? — Спросил Алексей.

— Она твоя, — звучал ответ, — она написана для тебя, теперь ты можешь ее читать. Язык ее стал для тебя понятным.

Практичный Сергей, подчиняясь какому-то внутреннему порыву, достал из-за пазухи книгу и передал ее брату. Алексей открыл ее, текст был понятен, он мог читать. Под древними сводами, впервые за тысячи лет, прозвучали слова самого архаического праязыка на земле.

— Откуда я знаю этот язык? — Удивился Алексей.

— Ты всегда его знал, — прозвучал ответ.

— Человек, ты можешь уходить, — обратился Ной к старцу.

Старец поклонился Ною, послушно повернулся и подошел к каменной раке, стоявшей

перед алтарем. Он лег в раку и блаженно закрыл глаза.

— Я все сделал, — пронеслись в голове Алексея его слова.

Ной подошел к раке, и возложил руки на голову старца. Веки старика вздрогнули, глаза вновь открылись. Он смотрел полными слез глазами куда-то вверх. Туда, где должно было быть бездонное голубое небо. Глаза вновь закрылись, старец вздрогнул и затих, теперь уже навсегда.

Ной обратился к Алексею.

— Перед тобой сотворенный и творящий. Он был первым. Теперь он ушел. Ты займешь его место. Ты изучишь книгу. Изучив ее, ты придешь ко мне. Изучив меня, ты придешь к Другой Силе. Изучив Истину Другой Силы, ты сам станешь Истиной. Путь познания бесконечен. Ты пойдешь по нему. Мы встретимся вновь нескоро, но эта встреча состоится. Время над тобой уже не властно.

Он сделал рукой какой-то знак. Что-то ворвалось в разум Алексея и переполнило его.

Ной повернулся и пошел прочь, постепенно растворяясь в ярком свете, пока не исчез совсем.

— Пойдем, — повернулся Алексей к брату.

Сергей посмотрел Алеше в глаза и не узнал его. Казалось, глазами брата на Сергея смотрела вся бескрайняя Вселенная.

Больше книг на сайте - Knigoed.net